

9(св68)

А-35

К. Г. АЗАМатов

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
И ОБЫЧНОЕ
ПРАВО
БАЛКАРЦЕВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX
ВЕКА

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАЛЬЧИК
1 9 6 8

Кабардино-Балкарская Государственная научная

библиотека имени Н. Н. Крутой

гор. Нальчик, ул. Ногмова, 42

ВВЕДЕНИЕ

Советская историческая наука уделяет большое внимание вопросам социально-экономического развития и обычного права народов СССР, учитывая своеобразие исторического пути, пройденного каждым народом.

Задачей данного исследования является изучение социально-экономического положения и обычного права балкарцев в I половине XIX в. По этой теме до сих пор нет обобщающей работы. Если социально-экономический строй балкарцев исследован в той или иной мере в последних работах советских историков, то вопросы обычного права фактически остались за пределами научных интересов ученых.

Известно, что балкарцы вплоть до середины XIX в. в общественной и частной жизни руководствовались главным образом адатами. Ввиду этого при разработке многих аспектов социально-экономического строя Балкарии институты обычного права балкарцев становятся главными, а иногда и единственными источниками.

В науке немалое значение имеет и изучение семейного права, так как в семейных отношениях дольше всех сохраняются патриархально-феодалные пережитки, без искоренения которых нельзя построить подлинно передовую семью, что необходимо при строительстве коммунизма.

В предлагаемой работе ставятся следующие задачи:

1. На основе анализа собранного фактического материала уточнить дату присоединения Балкарии к России; выяснить основные черты управления Балкарней, исследовать экономическое развитие балкарского общества.

2. Осветить социальную структуру балкарцев; показать классовую борьбу в рассматриваемое время.

3. На конкретном историческом материале изучить систему композиций в обычном праве балкарцев; раскрыть классовый характер многих институтов обычного права.

4. Проанализировать семейное право балкарцев.

Методологической основой нашего исследования явились работы классиков марксизма-ленинизма.

При разборе феодальной собственности К. Маркс в своем гениальном труде «Капитал» указывал на три вида докапиталистической земельной ренты: отработочной, продуктовой и денежной. Феодалы при помощи этих рент осуществляли присвоение прибавочного труда крестьянина — непосредственного производителя. К. Маркс отмечал, что эти три вида рент соответствовали различным ступеням развития феодального производства¹.

Применяя это указание к балкарской действительности, мы видим, что феодальные отношения в Балкарии были развиты слабо, свидетельством чего является почти полное отсутствие денежной ренты.

Большое значение для раскрытия причин образования феодальной собственности на землю имеет разбор Ф. Энгельсом различных форм землевладения в Западной Европе. Важно его указание, что бенефиция — зародышевая форма феодального владения².

Для выяснения многих институтов семейного права огромную ценность представляет работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В марксистской литературе Ф. Энгельс впервые дал научное определение семейной общины.

По Ф. Энгельсу, для большой семьи характерна общинно-семейная собственность, тогда как для моногамной семьи — частная собственность. Общинно-семейную собственность Ф. Энгельс считал переходной ступенью от общинной собственности к частной.

Оценка В. И. Лениным барщинного хозяйства, данная в его классическом труде «Развитие капитализма в России»³, имеет также большое значение для понимания социально-экономического строя Балкарии.

¹ См.: К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 795—826.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19. М., 1961, стр. 495—518.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 183—185.

Итак, в названных трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина вместе с важными теоретическими обобщениями и методологическими установками имеются положения, помогающие раскрыть и осветить интересующую нас тему.

При написании данной работы использованы различные виды источников.

Известно, что до Великой Октябрьской социалистической революции балкарцы не имели своей письменности, поэтому их обычное право является важным источником по изучению вопросов, поднятых в настоящем исследовании.

Адаты балкарцев, как и большинства горцев Северо-Восточного Кавказа, были собраны в 1844 году и опубликованы позднее профессором Одесского университета Ф. И. Леонтовичем⁴.

В адатах зафиксированы сословное и классовое деление балкарцев, взаимоотношение между сословиями, повинности, которые несли зависимые сословия в пользу своих владельцев. Кроме того, в адатах рассматриваются вопросы уголовного права балкарцев, права наследования и семейных отношений.

Следует отметить, что наряду с ценными сведениями о сословных отношениях и уголовном праве балкарцев, сборник адатов страдает весьма существенными недостатками. Многие вопросы, в частности землевладение, землепользование, административное управление, освещены нечетко и расплывчато или же совершенно не затронуты.

К нормам адата 40-х годов примыкает извлеченный нами архивный документ, озаглавленный «Показание Шахмановых какой обряд издревле существовал у узденей, подвластных им. Ответы черных (каракишей. — К. А.) с личным их подтверждением»⁵. В названном документе главным образом отражены права и обязанности двух основных классов балкарского общества — таубиев и зависимых от них крестьян.

Перед отменой крепостного права были вновь собра-

⁴ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, вып. I. Одесса, 1882, стр. 273—285.

⁵ Центральный государственный архив КБАССР (ЦГА КБАССР), ф. 31, оп. 1, д. 1, лл. 146—147.

ны сведения о сословных отношениях, правах и обязанностях каждого сословия, землепользовании, землевладении балкарцев.

Здесь уже четко и ясно разбираются права и обязанности каждого сословия⁶: таубиев, каракиши, ясакчи, чагар, казаков и караушаей, имеются сведения о землевладении и землепользовании каждого сословия.

Ценные документы по социальной и политической истории балкарцев содержатся в «Актах Кавказской археографической комиссии»⁷.

Определенное значение для освещения интересующих нас вопросов имеют «Отписка терского воеводы И. А. Дашкова в Посольский приказ о разведках залежей железной руды»⁸ и материалы посольства стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650—1652 гг.)⁹.

Большую ценность для исследования истории Балкаррии представляет публикация Е. О. Крикуновой¹⁰.

В целом документы этой публикации служат неплохим источником для раскрытия социально-экономического строя и обычного права балкарцев.

Помимо опубликованных источников, автор использовал и архивные источники. Необходимые документы извлечены из Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Архива внешней политики России при МИД СССР (АВПР) в Москве, Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР, Центрального государственного архива Северо-Осетинской АССР, Кабардино-Балкарской АССР,

⁶ Этот документ впервые опубликован в 1947 г. См.: Г. Кокиев. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы и материалы по освобождению зависимых сословий в Кабарде 1867 г. Нальчик, 1947, стр. 31—38. Перепечатан; Е. О. Крикунова. Документы по истории Балкаррии. Нальчик, 1959, стр. 87—92.

⁷ См.: Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК) тт. II, IV, VI, VII, VIII. Тифлис, 1868, 1870, 1874, 1878, 1881.

⁸ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сб. документов, т. I. М., 1957, стр. 120—121, 124—126, 242.

⁹ См.: Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг., издал М. Полневктов. Тифлис, 1926, стр. 33, 36, 119, 201 и т. д.

¹⁰ Документы по истории Балкаррии 40—90-х гг. XIX в. Составитель Е. О. Крикунова. Нальчик, 1959.

а также архива Северо-Осетинского научно-исследовательского института.

Многие использованные архивные данные впервые введены в научный оборот и там, где возможно было, они проверялись встречными документами.

Несмотря на то, что данная работа построена главным образом на основе архивных материалов, все же они оказались недостаточными для выяснения поднятых вопросов, поэтому автор широко привлек и литературные источники, затрагивающие в той или иной степени нашу тему.

Как известно, в XVIII в. начинается более интенсивное и систематическое изучение истории и этнографии Кавказа. В связи с этим появляются работы, где содержатся отрывочные сведения о балкарцах. В работе Ксавери Главани впервые в литературе даются статистические данные о численности населения Балкарии. В частности, он указывает, что в Чегемском ущелье к 1724 г. насчитывалось 500 дворов¹¹.

Для исследования социально-экономического строя балкарцев немаловажное значение имеет «География Грузии» царевича Вахушти. Как видно из описания Вахушти, в XVIII в. балкарское общество было уже феодальным¹².

Во II половине XVIII в. по поручению Академии наук большое путешествие по Кавказу совершил И. А. Гюльденштедт. Для истории балкарцев наиболее важными данными являются сведения И. А. Гюльденштедта о численности аулов и семейств в Балкарии¹³.

Несомненный интерес представляет описание путешествия подполковника фон Штедера¹⁴. Штедер посетил в основном районы Осетии. В момент его приезда в Осетию там вспыхнуло восстание дигорских крестьян. На помощь восставшему дигорскому народу поспешили

¹¹ См.: Ксавери Главани. Описание Черкесии 1724 г. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), вып. 17. Тифлис, стр. 135.

¹² См.: Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904, стр. 150.

¹³ См.: И. А. Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г. академика И. А. Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770—73 гг. СПб., 1809, стр. 146—148.

¹⁴ См.: Б. В. Скитский. Хрестоматия по истории Осетии. М., 1956, стр. 116—117.

балкарские крестьяне по главе с Бекби. Как явствует из описания Штедера, в результате помощи со стороны балкарских крестьян, народные массы Дигории одержали важную победу над своими угнетателями. Таким образом, благодаря Штедеру мы можем говорить о давней дружбе балкарского и осетинского народов и о классовой солидарности трудящихся масс в борьбе против своих эксплуататоров.

Для выяснения балкаро-кабардинских, балкаро-русских отношений в XVIII в. известное значение имеет труд академика П. Г. Буткова¹⁵. В работе П. Буткова указывается, что балкарцы в XVIII в. не раз обращались к русским властям с просьбой принять их в непосредственное подданство России¹⁶.

В начале 20-х годов XIX в. появляется первая обобщающая работа о Кавказе С. Броневского¹⁷. По его данным, в начале XIX в. балкарцы занимались скотоводством, хлебопашеством и торговлей.

В ЦГВИА хранится трехтомная рукопись на французском языке, написанная И. Ф. Бларамбергом¹⁸. Эта рукопись представляет собой сводный труд по истории народов Кавказа. Автор коснулся многих сторон жизни балкарцев: происхождение, основные занятия, верования и взаимоотношения их с кабардинцами. Очень коротко упоминаются сословия в Балкарии.

Большое значение для изучения истории Балкарии представляет труд Н. Забудского¹⁹. При составлении своей работы Н. Забудский пользовался архивными данными, о чем свидетельствуют многочисленные статистические материалы по торговле, которые приводит автор. Книга его — первое серьезное сочинение по истории Балкарии. Н. Забудский дает общую характеристику общественной и хозяйственной жизни кавказских горцев, в том числе и балкарцев. Касаясь судостроительства балкарцев, он правильно замечает: «Гражданские дела их ре-

¹⁵ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. I—3. СПб., 1869.

¹⁶ Там же, ч. II, стр. 205.

¹⁷ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе в 2 ч. М., 1823.

¹⁸ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 18508/2.

¹⁹ Н. Забудский. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния. СПб., 1851.

шаются в каждом племени, выбранными из среды их уважаемыми людьми, судьями и эфендиями, либо по адату, по древним обычаям предков, либо по шарна-ту»²⁰.

Н. Забудский пишет о наличии частной собственности на землю в Балкарии и о существовании у балкарцев высших сословий. Однако он не понял существо взаимоотношений между высшими и низшими сословиями. Феодалов он изображает как безобидных родовых старшин, которые получали кое-какие доходы от крестьян в виде добровольных даров²¹. Документы опровергают этот взгляд.

В 1869 г. вышла статья П. А. Гаврилова «Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа», которая была написана на основании официальных данных²². Интересно его сообщение о землевладении и землепользовании балкарцев. Автор отмечает, что в Балкарии наряду с частной собственностью существовала общинная собственность на землю. В общинной собственности находились пастбищные и некоторые сенокосные участки земель.

Своими историко-этнографическими работами немалый вклад в историографию балкарцев внес Н. Ф. Грабовский²³.

Из статьи, посвященной экономическому положению зависимых сословий, выясняется грабительский характер крестьянской реформы в Кабарде и Балкарии, хотя автор часто идеализирует политику царского правительства. Его статистические данные об экономическом положении бывших зависимых сословий Кабарды и Балкарии почти совпадают с архивными материалами.

Большую ценность для выяснения семейного права

²⁰ Н. Забудский. Указ. соч., стр. 122.

²¹ Там же, стр. 130.

²² П. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. «Сборник сведений о кавказских горцах» (ССКГ), вып. II. Тифлис, 1869.

²³ «Беглые заметки о поездке в Урусбий». Газ. «Терские ведомости», 1868. № 20. Свадьба в горских обществах кабардинского округа. ССКГ, вып. II, 1869; «Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа». ССКГ, вып. III, 1870; «Очерки суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе». ССКГ, вып. IV, 1870.

балкарцев I половины XIX в. имеет работа Н. Грабовского «Свадьба в горских обществах Кабардинского округа». Он подробно описывает процесс сватовства и заключения брака, сообщает размер уплачиваемого калыма, который зависел от сословной принадлежности брачующихся. Н. Грабовский приводит факты наличия у балкарцев пережитков матрилокального брака — «возвращение» невесты домой, помещение жениха и невесты в другом доме и т. д.

В этнографической литературе дореволюционного периода статья Н. Грабовского занимает одно из первых мест среди работ, которые в той или иной степени касались вопросов семейных отношений балкарцев.

Ценный материал по обычному праву балкарцев содержит «Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе». Н. Грабовский в своих работах не только описывает факты, но и пытается анализировать их.

Определенное значение для изучения общественного и хозяйственного строя балкарцев имеет труд А. И. Дроздовского²⁴.

Большой вклад в изучение нашей темы внес М. М. Ковалевский²⁵. М. Ковалевский признавал феодальный строй у народов Кавказа, в том числе и у балкарцев. Он сделал ряд важных замечаний о феодальном строе балкарцев, в частности, указывал, что аталычество сыграло некоторую роль в образовании различных сословий. Все же при выяснении причин образования феодальных отношений у балкарцев он допускал ошибку, считая, что феодализм возник в результате внешнего влияния, завоевания. Ковалевский с должным вниманием исследовал землевладение и землепользование, обычное право балкарцев.

Разнообразные исторические и этнографические ма-

²⁴ А. И. Дроздовский. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области. «Медицинский сборник», вып. 9. Тифлис, 1870.

²⁵ М. Ковалевский. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа. Ж. «Русская мысль», 1863, № 12. В Миллер, М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Ж. «Вестник Европы», т. 2, кн. IV. М., 1884; И. Иванюков и М. Ковалевский. У племени Эльбруса. Ж. «Вестник Европы», кн. I. М., 1886; М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I—II. М., 1890.

терналы содержатся в работах В. Я. Телцова²⁶, Е. Баранова²⁷ и Б. Ланге²⁸.

Большая роль в исследовании социально-экономического строя Балкаррии принадлежит Н. П. Тульчинскому²⁹. По своей источниковедческой базе работа Н. Тульчинского намного отличается от других исследований: он привлек архивные данные, литературные источники, легенды, историко-героические песни. Автор признавал феодальный строй у балкарцев. Но в определении причин образования феодальных отношений, подобно другим буржуазным ученым, допускал ряд неточностей, хотя в работе имеются и верные замечания. В частности, он указывает, что гористая местность способствовала скорейшему образованию частной собственности на землю по принципу первой заимки.

Краткий, но весьма содержательный очерк по истории и этнографии балкарцев дал Н. А. Караулов³⁰.

Большое значение для изучения истории Балкаррии имеет научная деятельность Мисоста Абаева — первого историка и этнографа среди балкарцев. В конце XIX в. в газете «Каспий» стали выходить его отдельные статьи по истории и этнографии балкарцев³¹. Впоследствии М. Абаев объединил все эти статьи и опубликовал в журнале «Мусульманин»³².

Мисост Абаев впервые в дореволюционной историографии попытался дать связный обобщающий обзор истории Балкаррии с древнейших времен до начала XX в. В связи с этим М. Абаев считается родоначальником балкарской

²⁶ В. Я. Телцов. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. 14. Тифлис, 1892.

²⁷ Е. З. Баранов. Поездка в Урусбиевское общество горских татар. Газ. «Терские ведомости» («ТВ»), 1891, № 55; Очерки, землевладения в горах, «ТВ», 1892, № 14, 15, 17; Очерки из жизни горских татар Кабарды, «ТВ» 1894, № 141, 145, 149, 1895 г., № 2, 21.

²⁸ Б. А. Ланге. Балкаррия и балкарцы. Газ. «Кавказ», 1903, № 283, 287, 288, 294, 301.

²⁹ Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды. «Терский сборник», вып. V, 1903, отдельно. Владикавказ, 1903.

³⁰ Н. А. Караулов. Болкары на Кавказе. СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908.

³¹ Горец. Горцы Нальчикского округа. Газ. «Каспий», 1898, № 240, 264; 1899, № 28, 41, 134, 136, 138, 145; 1900, № 4647.

³² М. К. Абаев. Балкаррия. Исторический очерк. Ж. «Мусульманин». Париж, 1911, № 14—17.

историографии. Работа М. Абасова по богатству фактического материала не утратила своего значения по настоящее время, хотя не показывает классовую борьбу в балкарских обществах и защищает интересы таубиев. В своей работе автор затронул социально-экономическое развитие Балкарии, балкаро-кабардинские, балкаро-грузинские и русско-балкарские отношения. В очерке М. Абасова имеются данные об обычном праве и семейных отношениях балкарцев.

Весьма важной публикацией для выяснения многих вопросов обычного права является работа Н. М. Агисева и В. Д. Бушова³³.

Небольшие сведения по интересующим нас вопросам содержат работы В. Кудашева³⁴, С. Л. Авалини³⁵ и В. Линдена³⁶.

Из обзора дореволюционной литературы видно, что буржуазно-дворянская историография накопила значительный материал по нашей теме.

Однако дореволюционные авторы мало изучали экономическое развитие Балкарии, не показывали закономерности развития производительных сил и производственных отношений, при изучении общественного строя отрывали его от материального основания — техники и хозяйства. Наиболее известные авторы признавали феодальный строй в Балкарии. Но в силу узости буржуазной методологии, дореволюционные авторы не могли научно объяснить происхождение феодальных отношений.

Рассматривая социальный строй балкарцев, буржуазно-дворянская историография игнорировала классовую борьбу балкарского крестьянства, утверждала о якобы мирном характере социальных отношений.

³³ Н. М. Агисев, В. Д. Бушев. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912.

³⁴ В. И. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

³⁵ С. Л. Авалини. Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса, 1914.

³⁶ В. Линден. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края. «Кавказский календарь» на 1917 г. Тифлис, 1916, стр. 249—273; его же: Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1817.

Как бы то ни было, при всех пробелах и недочетах, накопленный дореволюционными авторами материал при надлежащем критическом отношении может с успехом привлекаться к изучению социально-экономического строя и обычного права балкарцев в I половине XIX в.

Подлинно научное освещение многих вопросов истории и этнографии Балкарии дореволюционного периода дали советские историки, опираясь на научную теорию марксизма-ленинизма.

Советские историки критически использовали материал, накопленный буржуазно-дворянской историографией. Кроме того, источниковедческая база наших историков намного расширилась, благодаря широкому привлечению архивных данных, собранных во многих городах страны. Однако следует отметить, что до конца 50-х годов по различным причинам не было опубликовано ни одной обобщающей работы по истории Балкарии.

В 20-е годы вышли статьи П. Раджаева³⁷ и У. Алиева³⁸. Несмотря на ряд верных замечаний о поземельных институтах и взаимоотношениях Балкарии с Россией они допускают грубую ошибку. По их мнению, в I половине XIX в. общественный строй у балкарцев был патриархально-родовой «с зачатками феодальных моментов», что не соответствует исторической действительности.

Тщательное изучение истории Балкарии началось лишь после XX съезда КПСС, в период восстановления автономии балкарского народа.

Ценным вкладом в этнографию народов Кавказа являются работы М. О. Косвена³⁹. В своих работах М. О. Косвен подробно осветил патронимию, брачные и семейные отношения народов Кавказа. Автор большое внимание уделил семейной общине и аталычеству.

Несомненный интерес для изучения обычного права

³⁷ П. Раджаев. Экономический быт горцев Нальчикского округа. В кн.: «Земля и хозяйство Терской области», вып. 1. Владикавказ, 1920.

³⁸ Умар Алиев. «Къарахалкъ», Ростов и/Дону, 1927.

³⁹ М. О. Косвен. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.—Л., 1925; Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961; Семейная община и патронимия. М., 1963; Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», вып. I—III, 1955, 1958, 1962.

народов Северного Кавказа представляют исследования и публикации В. К. Гарданова⁴⁰.

В статье, опубликованной в журнале «Советская этнография», автор убедительно показал значение обычного права для выяснения социальных отношений. В. К. Гарданов указывает, что в XIX в. институты обычного права народов Кавказа потеряли свою первоначальную сущность, они целиком выражали интересы господствующих классов.

Большое значение для изучения дореволюционной истории Балкарии имеют работы Т. Х. Кумыкова⁴¹. На основе тщательного изучения существующих архивных и литературных материалов автор показал хозяйственное развитие, поземельные и сословные отношения балкарцев в I половине XIX в.

Несмотря на то, что исследования Т. Х. Кумыкова являются наиболее полными работами по истории Балкарии, на наш взгляд, нельзя согласиться с некоторыми его замечаниями. Он не совсем четко определяет дату присоединения Балкарии к России, данные о количестве населения в XVIII — I половине XIX в. у него несколько занижены. Неверно определил и сущность поземельного института бегенды, считая его институтом аренды земли.

В 1961 г. вышла обобщающая работа по истории Балкарии с древнейших времен до 1917 г.⁴² «Очерки...» были написаны на основе архивных материалов с привлечением литературных данных большим коллективом авторов под руководством Т. Х. Кумыкова. Эта книга — первый обобщающий труд по истории Балкарии в исто-

⁴⁰ В. А. Гарданов. Материалы по обычному праву кабардинцев. I половина XIX в. Нальчик, 1956; В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. Ж. «Советская этнография», 1960, № 5, стр. 12—29; Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов). XVIII—I половина XIX в. М., 1964.

⁴¹ Т. Х. Кумыков. К вопросу крестьянской реформы в Балкарии в 1867 г. «Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии», вып. VI, Ставрополь, 1957; Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800—1869). Нальчик, 1959; Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.

⁴² «Очерки истории балкарского народа с древнейших времен до 1917 г.» Нальчик, 1961.

рической науке. В «Очерках...» сохранились те же недочеты, которые мы отмечали в работах Т. Х. Кумыкова.

Из небольшого обзора советской историко-этнографической литературы видно, что не все вопросы истории и этнографии Балкарии I половины XIX в. освещены достаточно полно и верно. Поэтому целью данной работы является изучение и усиленное разрешение этих вопросов. К таким вопросам относятся: хозяйственное развитие, социальный строй, русско-балкарские отношения и обычное право балкарцев.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ БАЛКАРЦЕВ В I ПОЛОВИНЕ XIX в.

Присоединение Балкарии к России. Управление Балкарией

С незапамятных времен балкарцы жили оседло в горах Центрального Кавказа, в бассейнах рек Черек, Чегема и Баксана. Ущелья, где жили балкарцы, именовались соответственно по названиям рек: Черекское (Балкарское), Хуламо-Безенгийское, Чегемское и Баксанское⁴³.

О численности населения Балкарии имеются довольно разноречивые данные. В 1724 г. Ксавери Главани в Чегемском ущелье насчитывал 500 жилищ⁴⁴. Данные этого автора в основном совпадают с архивными. Так, при расспросах в Коллегии иностранных дел кизлярский дворянин А. Тузов, сам побывавший в Чегемском ущелье, показал, что в 1736 г. там было 300 дворов⁴⁵. Для первой половины XVIII в. эта цифра является наиболее точной. В начале 80-х гг. XVIII в. профессор Гюльденштедт во всех балкарских обществах насчитывал 1560 семейств⁴⁶.

Наиболее верные статистические данные о балкарцах

⁴³ ЦГА КБАССР, ф. 12, оп. 1, д. 489, л. 58.

⁴⁴ См.: Ксавери Главани. Описание Черкесии, 1724. СМОМПК, вып. 17. Тифлис, 1893, стр. 155.

⁴⁵ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Кабардинские дела, оп. 115/1, д. 14, л. 6.

⁴⁶ См.: Н. А. Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809, стр. 147—148.

мы находим у полковника Буцковского в его труде «Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей», написанном в 1812 г. По его данным, в Балкарии было 2070 дворов⁴⁷.

Каждый балкарский двор состоял в среднем из 8 человек, но в начале XIX века большие семьи у балкарцев были не редкость. Учитывая это, всего населения в Балкарии было 16 560 человек.

В материалах депутации пяти балкарских обществ в Петербург за 1852 г. приводятся следующие сведения о состоянии населения Балкарии: всего аулов 28, дворов 1480, а душ обоего пола 8870⁴⁸. Эти данные не вполне достоверные. Количество аулов явно преувеличено, видимо, за аул принимали родовые поселки, где было не более 3—4 дворов.

По архивным материалам к 1867 г. балкарцев было 10 952 человека⁴⁹, что не соответствует исторической действительности. Сам начальник Кабардинского округа признавал, что сведения эти неполны. Сопоставляя все противоречивые сведения, можно предполагать, что к 1867 г. в Балкарии насчитывалось не менее 13 тысяч человек.

Статистические данные о балкарцах дают некоторые сведения о социальном составе населения Балкарии. По сообщению барона Вревского, в 1837 г. в Балкарском обществе было 4 рода (фамилии. — К. А.), 20 старшин (таубиев. — К. А.), в Безенгневском — 1 род, 6 старшин и в Урусбиевском — 1 род, 5 старшин мужского пола⁵⁰. Уже к 1846 г. во всех обществах Балкарии насчитывалось 52 двора таубиев, в том числе: в Балкарском 26 дворов, в Хуламском — 6, в Безенгневском — 2, в Чегемском — 14, в Урусбиевском — 4 двора⁵¹.

Из всего сказанного следует, что статистические сведения о балкарцах очень противоречивы. Количество населения в большинстве случаев дается в преумень-

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 414, кол. д. 300, прил. XVII, л. 108.

⁴⁸ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959, стр. 40—41.

⁴⁹ Центральный государственный архив СОАССР, ф. 12, оп. 1, д. 489, л. 58.

⁵⁰ «Очерки истории балкарского народа...». Нальчик, 1961, стр. 48.

⁵¹ ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, д. 520, л. 32 и об.

шенном виде, что объясняется рядом причин. Во-первых, царская администрация не всегда могла тщательно обследовать населенные пункты. Во-вторых, в немалой степени была виновата и феодальная верхушка Балкарии, которая с подозрением относилась к переписи, уменьшая количество податных дворов почти в 2 раза⁵². В XVIII — начале XIX в. численность населения Балкарии была большей, чем в 50—40-х годах XIX в. Если к 1812 г. балкарцев насчитывалось 16 тыс. человек, то, по предварительным данным, в 1867 г. их было не более 13 тыс. Причиной уменьшения балкарского населения в I половине XIX в. был низкий жизненный уровень, а отсюда «моровые болезни», уничтожившие жителей целых аулов⁵³.

Вопрос о политических связях Балкарии с Россией, так же, как и вопрос об управлении Балкарией, недостаточно освещен в исторической литературе. Балкарцы давно поддерживали политические связи с Россией. Эти связи должны были еще более укрепиться после присоединения Кабарды к России в 1557 г.

Самые ранние известия о балкарцах в русских документах встречаются в отписке терского воеводы И. А. Дашкова в Посольский приказ от 1629 г. Воевода сообщал о наличии на территории Кабарды и Балкарии серебряной руды, и что в горах, в Черекском ущелье, живет народ «балкары»⁵⁴. Материалы посольства стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650—1652 гг. содержат более подробные сведения о балкарцах⁵⁵. Проводниками посольства из Балкарии в Грузию служили балкарские владельцы, они обеспечивали посольство конями, хранили покой послов, пока шли переговоры в Грузии. Без сомнения, посольство во многом способствовало укреплению связей Балкарии с Россией.

В отписке терского воеводы и в материалах посольства в Имеретию в 1650—1652 гг. отмечается, что балкарские мурзы «живут сами по себе, и не под государе-

⁵² ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1718, лл. 43—44, 59.

⁵³ АКАК, т. IV. Тифлис, 1870, стр. 245.

⁵⁴ См.: Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. (Сб. документов), т. I. М., 1957, стр. 120, 124, 125.

⁵⁵ Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650—1652 гг. Тифлис, 1927, стр. 35, 92, 105, 106.

вою рукою». Однако из этого не следует, что балкарцы не поддерживали никаких отношений с Россией. Как известно, Кабарда находилась в русском подданстве еще с середины XVI в. Некоторые балкарские владельцы были в вассально-феодалных и родственных отношениях с кабардинскими князьями. Поэтому в XVII—XVIII вв. балкарцы поддерживали свои связи с Россией большей частью через кабардинских владельцев. Кроме того, отдельные таубин Балкарии находились в подданстве и на службе России.

В 80—90-х годах XVIII в. устанавливаются более тесные русско-балкарские отношения. По мере укрепления позиций России на Северном Кавказе, балкарские таубин стали настойчиво просить русские власти о непосредственном принятии их в русское подданство. В марте 1787 г. владельцы Балкарии Исса, Мисост и другие подали ген. Потемкину прошение, где просили принять их в подданство России. Здесь же они просили защитить их от притеснений кабардинских владельцев⁵⁶. С такой же просьбой балкарцы обратились и в декабре 1794 г.

Царские власти медлили с окончательным присоединением Балкарии, хотя к этому времени многие балкарские владельцы считались в подданстве России. Дело в том, что балкарцы, как и осетины, платили определенную феодальную подать кабардинским князьям. С присоединением Балкарии подать могла быть уничтожена, поэтому царские власти тянули с этим вопросом, чтобы не обострять свои отношения с феодалами Кабарды. В то же время царское правительство было заинтересовано в присоединении Балкарии, т. к. учитывало стратегическое значение ее ущелий. Владея ущельями (Чегемским и Баксанским), царская администрация могла держать под своим контролем сношения кабардинцев с непокорными закубанскими племенами. Кроме того, когда происходили восстания в Кабарде против царского режима, отряды восставших скрывались в горах Балкарии, где оказывали упорное сопротивление⁵⁷. В начале 20-х годов XIX в. влияние Большой Кабарды на Балкарию сильно падает, особенно при генерале Ермолове, разорившем много кабардинских аулов. Некоторые дорево-

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 482, л. 192, л. 135 и об.

⁵⁷ АКАК, т. II, стр. 940, 954; т. IV, стр. 868.

люционные авторы этот факт приняли как акт присоединения Балкарии к России⁵⁸.

Но документы говорят о другом: 11 января 1827 г. в Ставрополь приехали депутаты балкарских владельцев (по одному представителю от каждой фамилии), которые просили принять их вместе с подвластным им народом в непосредственное подданство России. Кроме того, они просили сохранения за ними (владельцами) прав на подвластных, с которых они издавна получали подати; свободного вероисповедания магометанской религии, сохранения за балкарцами всех их древних обычаев и прав, разбирательства дел по шарияту⁵⁹.

Главкомандующий войсками на Северном Кавказе генерал Эммануэль в феврале 1827 г. принял присягу от балкарских таубиев, о чем он сообщил главнокомандующему Кавказскими войсками генералу Паскевичу, а тот в свою очередь доложил царю Николаю I.

У балкарцев взяли аманатов: от Балкарского общества — 2, от Урусбиевского, Хуламского и Безенгиевского — по одному. Так произошел акт присоединения Балкарии к России.

Несмотря на то, что балкарцам было обещано сохранение всех их старых прав и обычаев, после присоединения к России управление Балкарией видоизменяется. До присоединения к России вся судебная, административная и исполнительная власть принадлежала таубиям. Старший из таубиев носил звание «олий», власть которого была несколько ограничена народным судом — «тёре». Дела решались главным образом по адату. Тёре выступал не только как исполнительный, но и как законодательный орган.

С присоединением Балкарии к России были образованы участковые суды, во главе которых стояли приставы.

В 1847 г. Кавказская область была переименована в Ставропольскую губернию. Большая Кабарда вместе с Балкарией управлялась начальником Центра Кавказ-

⁵⁸ См.: *Забудский*. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния. СПб., 1851, стр. 129; *Семенов* и др. Географо-статистический словарь Российской империи, т. I. СПб., 1863, стр. 200.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6244, л. 30.

ской линии. Все балкарские общества и Дигория находились под начальством одного пристава. Судебные дела решались очень медленно. Пока он добирался из одного общества в другое, проходило не менее 3—4 месяцев. Поэтому в 1857 г. представители таубиев и «черного» народа подали прошение генералу Грамотину, где просили назначить в балкарские общества «особого пристава», а его помощником — балкарца, который «знал бы их обычаи»⁶⁰.

В этом же году был образован Кабардинский округ после упразднения Центра Кавказской линии. В состав Кабардинского округа вошли Большая Кабарда, Малая Кабарда и балкарские общества. Было образовано несколько участков. Балкарское, Хуламское и Безенгиевское общества вошли в Черекский участок. Чегемское и Урусбиевское общества — в Баксанский участок⁶¹. Впоследствии все балкарские общества составили один участок — Горский. Во главе участка стоял начальник, подчинявшийся начальнику Кабардинского округа.

В 1858 г. был учрежден окружной народный суд. Здесь судились и балкарцы. Все тяжёлые дела, превышавшие 250 руб., утверждались начальником округа. В окружной народный суд входил один депутат от Балкарин. Как уже было указано, кроме окружного суда существовали и участковые суды, где председательствовали начальники участков.

Следует отметить, что в XIX в. в Балкарин существовали третейские суды, куда входили наиболее почетные и авторитетные старики, хорошо знающие адаты своего народа. Большинство тяжёлых дел решалось по адату, реже — по шарияту.

С включением Балкарин в состав России таубии еще больше закрепощали зависимые сословия, опираясь на помощь царского правительства. Хотя царизм и проводил великодержавно-колонизаторскую политику, всё же присоединение Балкарин к России имело прогрессивное значение. Экономическое, политическое и культурное развитие балкарского общества пошло быстрее, благодаря передовой экономике и культуре Русского госу-

⁶⁰ ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, д. 1878, л. 1 и об.

⁶¹ Центральный государственный исторический архив Груз. ССР (ЦГИА Груз. ССР), ф. 416, оп. 3, д. 121, л. 1.

дарства. Присоединение к России в какой-то степени способствовало росту производительных сил Балкарии, наметились сдвиги в животноводстве и земледелии.

Хозяйственная жизнь

Несмотря на суровые климатические условия, балкарцы с древнейших времен занимались земледелием. Но земледелие у балкарцев не стало ведущей отраслью хозяйства в связи с тем, что оно не могло обеспечить продуктами питания все население.

О древности земледелия у балкарцев говорят как архивные, так и литературные данные.

В 1743 г. в Коллегии иностранных дел кабардинские владельцы сообщали, что в волости Малкар (Балкария. — К. А.), когда родится «хлеб и трава полная, то в Кабарду же не ездят и кабардинцев к себе не пускают»⁶².

Бутков тоже отмечал: «Живут они (балкарцы. — К. А.) по примеру прочих горцев в каменных домах по причине неудобного строения деревянного. Хозяйство их против других горцев в скотоводстве и хлебопашестве изобильное»⁶³.

Конечно, П. Г. Бутков несколько преувеличивает, говоря об изобилии хлебопашества. Но здесь нам важно его признание, что балкарцы действительно занимались земледелием. О занятии земледелием балкарцев писали также Вахушти⁶⁴, Гюльденштедт⁶⁵, Броневский⁶⁶ и Бларамберг⁶⁷.

О древнем характере земледелия у балкарцев говорят и фольклорные материалы⁶⁸.

Однако в горных условиях очень трудно было заниматься земледелием. Нужны были огромные усилия гор-

⁶² АВПР, ф. Кабардинские дела, оп. 115/1, д. 14, л. 2.

⁶³ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 482, д. 192, л. 135, об.

⁶⁴ Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904, стр. 139.

⁶⁵ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 гг. СПб., 1809, стр. 149—150.

⁶⁶ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823, стр. 218.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18508/2, л. 257.

⁶⁸ В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Ж. «Вестник Европы», т. 2, кн. IV, стр. 562.

ца-балкарца, прежде чем получить урожай. В первую очередь надо было очистить землю от камней и кустарников. До сих пор в ущельях Балкарии возвышаются целые пирамиды камней — немые свидетели вечной борьбы человека с природой. С. Броневский не без основания писал о балкарцах: «Упражняются в хлебопашестве и по причине малого числа удобных земель обрабатывают оные с рачительностью»⁶⁹.

В балкарских обществах преобладали подзолистые и горнолуговые почвы. Они истощались быстро, ввиду отсутствия севооборота. Необходимо было ежегодно удобрять поля навозом. Навоз вносили двумя способами. Чаще всего его таскали корзинами на поля. Второй способ — набивали навозом запруды оросительных канав, топтали его ногами и полученную эссенцию пускали на поля. Навоз часто продавался корзинами. Это кажется парадоксальным, учитывая, что главным занятием у балкарцев было скотоводство.

Но дело в том, что большие стада почти все время содержались на отгонных пастбищах и зимовках, а одни дойные коровы, которые оставались в аулах, не могли обеспечить хозяев полей нужным количеством навоза. Поэтому пахотные поля вблизи аулов удобрялись лучше⁷⁰. Однако и с них сборы урожая были невелики, так как осадки, выпадавшие в изобилии, не задерживались в каменистой почве. В связи с этим горцам приходилось прибегать к искусственному орошению, совершенствуя по возможности систему полива. Орошались не только пахотные, но и покосные участки. У балкарцев сложилось несколько устойчивых обычаев в отношении ирригации. Канавы для воды рыли сообща всем селением, независимо от того, имеет ли тот или иной односельчанин землю или же нет. Затем вода делилась на равные пай и каждый получал свой пай на один день, если даже она ему в настоящее время не нужна. Часто домохозяин, имевший участок земли, по свидетельству Н. П. Тульчинского, продавал свой пай на воду нуждавшимся в ней. В день полива вся семья с утра до вечера находилась в поле и тщательно орошала свой участок земли⁷¹.

⁶⁹ С. Броневский. Указ. соч., стр. 218.

⁷⁰ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 27 об.

⁷¹ См.: Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды. «Терский сборник», вып. 5. Владикавказ, 1903, стр. 181—182.

В адатах балкарцев зафиксировано: «При поливе (сецокосных и пахотных угодий) старшина назначает несколько домов по очереди, чтобы поровну наделять водой. При этом — часто споры, даже убийства, особенно у чегемцев — поэтому назначают один день для 5 домов»⁷². Воду не всегда удавалось проводить по канавам. Иногда ее пускали по специальным желобам, устраиваемым далеко от участков, за 10 и более верст.

Все путешественники и исследователи, посещавшие Балкарию, отмечали трудолюбие ее жителей, тщательность обработки полей, умелое их орошение и удобрение. Н. Забудский писал: «Несмотря на то, что малкарцы (балкарцы. — К. А.) мало имеют удобной для хлебопашества земли, у них бывает хлеба более, чем можно заключить по пахотным местам, что зависит от хороших урожаев. Они искусно орошают канавами свою землю и вся она разделена на мелкие участки по числу жителей, из которых каждый заботится о своем куске земли»⁷³.

Тщательность обработки полей балкарцами отмечали Н. Ф. Грабовский, В. Миллер, М. Ковалевский, А. И. Дроздовский, Е. Баранов и др.

По обычаю трудовой заимки, участки земель переходили в собственность тех, кто обработал их. Естественно, эти участки земель ценились очень дорого. В. Миллер и М. Ковалевский отмечали: «Земля здесь (в Хуламе. — К. А.) ценится даже дороже, чем в горной Осетии, где клочок земли, на котором может стоять бык, стоит быка»⁷⁴. Так, участок пахотной земли, с которого собирали одну копну, или 90 снопов (в Балкарии в то время не было подсеятинного измерения земли), в 1865 г. ценилась 35 руб. сереб., если же такая же земля находилась вдали от селения, то от 10 до 20 рублей⁷⁵. Несмотря на тщательность обработки полей, техника земледелия была самой первобытной и рутинной. Применялась горская соха — «сабан агач», на конце кото-

⁷² Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. вып. I, Одесса, 1882, стр. 276.

⁷³ Н. Забудский. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния. СПб., 1851, стр. 191.

⁷⁴ В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Ж. «Вестник Европы», т. 2, кн. IV, стр. 548.

⁷⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 7, оп. 8, д. 26, л. 46.

рой был приделан железный лемех. В такую соху впрягали двух волов. Пахота была неглубока — всего 2 вершка. Разрыхляли пахотный участок примитивной бороной — «кыйтхы». Чаще всего бороной служил колючий куст лоховника. Сверху для тяжести клали камень. Куст привязывали к ярму веревкой, и при движении мягкая почва разрыхлялась и закрывала зерна⁷⁶. Урожай убирали серпом или косой. Хлеб складывали обычно в скирды. Молотили на току — «ындыре». Обычно в середине тока забивали столб. Длинными веревками привязывали к этому столбу лошадей, мулов или волов, смотря по состоянию хозяина, и гоняли их по кругу. Они копытами топтали зерно. Молотьба сопровождалась обрядовой песней:

Инай, инай эререй,
 эререй,
Отгребай зерно, скорей,
 эререй!
Бедняка всегда работа
 в поле ждет.
...Ой бедняк, как князь велит,
 встань чуть свет.
Может быть, ты будешь сыт,
 может нет⁷⁷.

Зерно мололи на ручных жерновах и мельницах. К 1867 г. по всей Балкарии насчитывалось 54 мельницы⁷⁸.

Балкарцы сеяли главным образом пшеницу, ячмень и овес. Другие сельскохозяйственные культуры не вызревали. Еще Вахушти заметил: «Плодородность этой страны (Осетии и Балкарии. — К. А.) незначительна, ибо никакие другие зерна не родятся, кроме пшеницы, ячменя и овса, по причине холода, позднего лета и ранней осени, но и это не засеивается изобильно по малоземелью и скалистой местности»⁷⁹. С. Броневский тоже отмечал исключительность посевов ячменя и овса, «которые употребляют в корме лошадям и для варения известного напитка бузы»⁸⁰, не считая того, что из ячменной муки делали лепешки — «гыржын».

⁷⁶ См. Е. Баранов. Очерки из жизни горских татар Кабарды. «ТВ», 1895. № 21.

⁷⁷ «Балкарская народная лирика». Нальчик, 1959, стр. 12—13.

⁷⁸ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1718, лл. 43—44.

⁷⁹ Вахушти. Указ. соч., стр. 139.

⁸⁰ С. Броневский. Указ. соч., стр. 218.

В незначительном количестве сеяли просо, что зафиксировал князь Шаховский, когда был в Урусбиевском обществе. В первой половине XIX в. начинает вводиться в посев и кукуруза. Так, житель Донифарского селения Кабекаев подал жалобу начальнику Дигорского участка, где сообщал, что балкарец Камболат Темирханов отнял у него землю и посеял на ней кукурузу⁸¹.

Балкарцы издавна страдали от малоземелья. Кабардинский отдел Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области отмечал: «В горах пахотных мест до того мало, что засеваемого на них хлеба (ячменя, из которого делается хлеб, известный под именем «каржин») хватает на 2 месяца, и только в отлично урожайные годы на 4, все остальное время года горцы довольствуются чужим хлебом, приобретая его разными способами у плоскостных жителей, то поденным трудом, то отдачей внаймы рабочего скота, то променом на бурки, черкески, полсти, сыр, кислое молоко (айран) и лучину»⁸².

Касаясь малоземелья балкарцев, П. Стеблинский писал: «Земля их годная для посевов так ничтожна, что если бы разделить ее поровну, то едва ли на каждого пришлось по одной квадратной сажени»⁸³. Балкарцы страдали от малоземелья и низких урожаев, последнее зависело не только от горноклиматических условий, а главным образом от отсталости сельскохозяйственной техники. Как бы много труда ни вкладывал горец, урожай в горах всегда был в 4—5 раз ниже, чем на плоско-сти.

Статистическими данными о количестве посеянного и собранного хлеба, кроме как за 1867 год, мы пока не располагаем.

Во всей Балкарии в 1867 г. было⁸⁴:

	Посеяно (в четвертях)	Собрано (в четвертях)
Ячменя	968	2908
Овса	479	1362
Пшеницы	123	268

⁸¹ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1754, л. 1.

⁸² ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 8, л. 19 об.

⁸³ Газ. «ТВ» 1897, № 53.

⁸⁴ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 1, д. 489, л. 58.

Таким образом, всего было посеяно 1570 четвертей сельхозкультур, а собрано 4538 четвертей, что составляет около 60 тыс. пудов. Население Балкарии в 1867 г. составляло около 13 тысяч. Естественно, 4 с лишним пуда, если даже не считать семенного и фуражного фонда, не прокормят в течение года одного едока.

Ввиду того, что своего хлеба балкарцам хватало на 2—3 месяца, они издавна покупали хлеб у кабардинцев, русских и других соседних народов. Поездки на плоскость, длившиеся месяцами, отнимали много сил и энергии. Хлеб приходилось тащить на себе или же на вьючных лошадях. Все же этот обмен и общение способствовали дружбе соседних народов — балкарцев, кабардинцев, осетин и русских.

Итак, земледелие у балкарцев в первой половине XIX в. не стало ведущей отраслью хозяйства. Зная свое тяжелое положение в отношении земледелия, главное внимание балкарцы уделили животноводству, и достигли в этой области неплохих результатов. Они разводили крупный рогатый скот и овец. Условия для этого в горах были.

Ведущую роль в жизни балкарского народа в XVIII—I половине XIX в. играло скотоводство, оно составляло их хозяйственную основу. Скот кормил, одевал и служил средством передвижения.

Животноводство у балкарцев носило экстенсивный, отгонный характер. Процесс ведения скотоводческого хозяйства балкарцев можно разбить на четыре периода: весенний выгон скота на равнины Кабарды; содержание скота на летних пастбищах («джайлыкла») в горах; осенний выпас скота на плоскости; содержание скота на зимовках («кышлыкла»).

Перед весенним выгоном формировали отары. Каждая отара насчитывала от 600 до 4—5 тысяч голов⁸⁵. Но чаще всего отара должна была содержать не менее 600 голов и не более 1500. Табуны, имевшие 600 и более голов скота, образовывали свои отары.

Маломощные хозяева (5—10 дворов) формировали одну отару. Назначали общего пастуха и расходы делили пропорционально количеству присоединяемого скота. Формирование отар заканчивалось к концу февраля или в начале марта.

⁸⁵ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 23.

В горах вплоть до мая трава не появляется, а заготовленного корма для скота обычно хватало до февраля. Помимо этого в конце февраля начинался окот, что было невозможным при своеобразном горном климате. Поэтому стада балкарцев вынуждены были находиться на равнине от 1,5 до 2,5 месяца. Стада балкарских обществ покрывали все пространство по рр. Череку, Аргудану, Чегему, Баксану и Малке, доходя до станиц Прохладной и Александровской⁸⁶. Здесь же происходил окот овец, который кончался уже в предгорьях. С 20 апреля все стада двигались уже обратно в горы. Перед отправкой на летние пастбища производили метку скота. Для лошадей существовала специальная «тамга», т. е. знак метки. Эта тамга была общей для патронимического поселения. Например, в поселке Глашевых в Балкарском ущелье, существовала метка под названием «Глаш-тамга» в виде буквы «Г». Для овец и крупного рогатого скота каждая семья имела свою метку.

В мае весь скот перегоняли на «джайкыкля». Здесь скот быстро набирал вес, ибо «солище в горах обладает повышенной интенсивностью, убивая бактерии, способствует увеличению гемоглобина в крови. Это в свою очередь возбуждает обмен веществ в организме, усиливает аппетит, способствует росту и упитанности скота»⁸⁷.

Овцы в горах паслись в течение 4—5 месяцев, с наступлением осенних холодов балкарцы перегоняли овец в предгорные районы, здесь же производилась случка. Как только наступали холода на равнине, скот уже находился на зимовниках в горах, где в течение 2—2,5 месяцев питался заготовленным сеном. Хотя сенокосение было развито издавна, все же накошенного сена не хватало, ввиду этого балкарцы ежегодно покупали 150—210 тыс. пудов сена, уплачивая за это 3600—6000 руб.⁸⁸

Кроме сельского хозяйства, балкарцы занимались промыслами и торговлей, которые были тесно связаны со скотоводством.

Еще в первой половине XIX века в Баксанском ущелье были сделаны попытки палатить сыроваренное

⁸⁶ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 23.

⁸⁷ Е. П. Маслов и К. Н. Кереев. Экономико-географический очерк Кабардино-Балкарии. М., 1957, стр. 41.

⁸⁸ Записки императорского Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1868, стр. 97.

производство. Так, в 1868 году начальник Горского участка сообщал начальнику округа, что в горах производят сыр и масло, которые целиком употребляются самими горцами, и далее: «В Урусбиевском обществе Урусбиевы в прошлом году делали пробу заготовления швейцарского сыра, сделали 10 пудов, но скоро этот похожий на швейцарский сыр не совсем вышел удачен»⁸⁹.

Среди промыслов у балкарцев на первом месте стояло шерстяное производство, которое развивалось издавна. Наибольшее распространение получило изготовление бурок и сукна. Бурка была незаменимым спутником горца везде и всюду. Бурки делались различных фасонов, с окраской и без окраски. Они бывали очень высокого качества. Так, О. В. Маргграф отмечал, что бурки, изготовленные в ауле Урусбиево, славятся на весь Северный Кавказ⁹⁰. Сукна обычно изготавливались большими кусками как из весенней, так и осенней шерсти. Техника бурочного и суконного производства была ручной и стояла на очень низком уровне*.

Производство шерстяных изделий всецело находилось в руках женщин. Исследователи, знакомые с бытом балкарцев, всегда отмечали, что горянки никогда не расстаются с веретеном (урчуком), где бы ни была балкарка — в гостях, на работе, на улице, она всегда пряла шерсть. В. Я. Теплов, побывавший в Балкарнии, писал: «На крышах здесь стоят женщины с веретенами в руках, они перекликаются с соседками, не оставляя ни на минуту своей работы»⁹¹.

В семьях, где не было своих овец, женщины брали работу исполу, т. е. делились с владельцами шерсти половиной изготовленных изделий. Испольщина была одной из тяжелых форм эксплуатации крестьян со стороны таубиев и зажиточных верхов караузденой. В своей работе «Крестьянское хозяйство в деревне» В. И. Ленин

⁸⁹ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1739, л. 14.

⁹⁰ О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882, стр. 23.

* Техника производства бурок и сукна нами опущена, так как это подробно рассматривается Г. Х. Мамбетовым в его работе «Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарнии». Нальчик, 1962.

⁹¹ В. Я. Теплов, По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. 14, 1882, стр. 191.

называет исполщину прямым переживанием крепостничества⁹².

Кроме бурок и сукна, из шерсти готовили войлочные ковры («киз»), шитые («калфак»), обувь («чуфакла»). Почти всю одежду и обувь балкарцы делали из шерсти и кожи. Из кожи делали не только обувь («чабырла», «дюген-чарыкла»), но и мешки («тафчик», «тулук») для хранения зерна, соли и других продуктов. Для перевозки напитка — айрана также применяли кожаные бурдюки («гыбытаз»).

Важным промыслом являлась обработка дерева. Плотники в Балкарии изготовляли из дерева всевозможные изделия, в частности, сельскохозяйственные орудия: сохи («сабан-агач»), бороны, грабли, лопаты. Соку могли сделать только плотники, так же, как и мебель. Другое дело — изготовление предметов домашнего и кухонного обихода. В первой половине XIX века в Балкарии почти не было фабричной посуды, поэтому чашки различных размеров («чырча», «аяк», «гоппан», «табак») обычно делались из сырого напльва ореха, карагача, клена и других деревьев самими балкарцами. В производстве предметов домашнего обихода выделялись и умелые специалисты, изделия которых ценились очень высоко, даже за пределами Балкарии. По сведениям Г. Х. Мамбетова, в 1-й половине XIX в. за одну чашку из напльва платили хорошую овцу или годовалого теленка, за большие чашки — до 2-годовалой телки, а за целый набор (чашка большая, маленькая и половник) — даже быка⁹³.

Кресла, люльки, столы, стулья, так же, как и кухонная посуда, украшались геометрическим орнаментом.

Наиболее высокого уровня развития из ремесел достигло кузнечное дело. «Балкарцы, — писал М. Абаев, — создали ремесленников, каменщиков, кузнецов, слесарей и даже оружейных мастеров, которые отправлялись в другие горские общества и в Кабарду»⁹⁴. Кузнецы в Балкарии изготавливали железную часть плуга, холодное и огнестрельное оружие, металлические части седла,

⁹² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 91.

⁹³ См.: Г. Х. Мамбетов. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии. Пятичк, 1962, стр. 44.

⁹⁴ М. К. Абаев. Балкария... Исторический очерк. Ж. «Мусульманство». Париж, 1911, № 14—17, стр. 602.

топоры, косы, серпы. Естественно, не каждый мужчина мог изготовить эти изделия. Видимо, некоторые кузнецы работали на рынок и по заказу. Особенно охотно покупались сельскохозяйственные орудия: косы, серпы. Платили натурой. Иногда же за изготовление различных орудий труда заказчики обрабатывали поле кузнеца. Вообще кузнец в ауле был популярным и всеми уважаемым человеком. Как и у кабардинцев, у балкарцев часто обращались к нему за советами. Оружейное производство в Балкарии сохранялось вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Каменщики в Балкарии славились своим умением возводить из камня постройки без применения связывающих материалов. Когда посещаешь ущелья Балкарии, поражаешься каменным заборам и остаткам зданий, построенных еще в XVIII веке.

Балкарцы были известны как мастера по изготовлению пороха, который шел не только на внутренние нужды, но и на продажу. Немаловажную роль в жизни балкарского народа играла и охота, которая служила неплохим подспорьем к хозяйству горцев. «Охота, — писал Н. Забудский, — у этих обществ (балкарских. — К. А.) составляет выгодный и довольно важный промысел»⁸⁵.

Промысел в Балкарии в основном носил потребительско-натуральный характер. Но с ростом общественного разделения труда, дальнейшим развитием товарно-денежных отношений хозяйство балкарцев постепенно втягивается в рыночные отношения. Балкарцы поддерживали торгово-экономические связи с Закавказьем, Кабардой, Осетией и Россией. «Еще до появления кабардинцев, — пишет М. К. Абаев, — балкарцы имели сношения с Имеретией, получая оттуда материи, железо, соль, фрукты и т. п., а сами взамен этого отправляли разный скот, овечью шерсть, шерстяные изделия — черкески, бурки, войлоки и т. п.»⁸⁶.

У балкарцев сложились тесные торговые отношения с народами Грузии. Крестьян селений Теби и Чари Рачинского уезда балкарцы называли не иначе, как «малкар-эбзе», т. е. балкарские грузины. Это говорит о тесных и давних торговых связях балкарцев с ними. Торговцы

⁸⁵ Н. Забудский, Указ. соч., стр. 131.

⁸⁶ М. К. Абаев, Указ. соч., стр. 394.

из Грузии платили определенную дань таубиям Балкарского ушедья. Взамен этого таубии обеспечивали сбыт грузинских товаров в балкарских обществах и в Карачае. Таубии делили между собою закавказских данников, и те знали, кому и когда из них платить дань. Помимо определенной дани, торговцы эти были обязаны ежегодно привозить с собой установленное количество железных лемехов и медных котлов. Если же балкарские таубии ездили в Имеретию, то эти торговцы сопровождали их, содействуя в свою очередь сбыту привезенного товара. Грузинские купцы привозили в Балкарию металлические изделия, различные материи и пряности. Взамен этого получали черкески, войлоки, шерсть, шкуры. Из Кабарды балкарцы в обмен на свои изделия получали зерно. В большом количестве балкарцы сбывали скот в Закавказье и на ярмарках Кабарды. Так, в 1867 г. балкарцами было продано 356 голов лошадей, 588 голов крупного рогатого скота и 4469 голов овец⁹⁷.

Занимаясь скотоводством, балкарцы нуждались в большом количестве соли. До организации соляных магазинов кабардинцы возили соль с Мажарских озер, уплачивая в казну по 1 руб. 50 коп. за арбу. Балкарцы же покупали у кабардинцев, уплачивая им еще дороже⁹⁸. Бывало, что и сами балкарцы ездили на Мажарские озера. С 1809 г. в Прохладной действовала соляной магазин.

В 1811 г. в Прохладной, Науре, Прочном Окопе, Усть-Лабе, Константиногорске и Лашурине были открыты меновые дворы. Кавказские горцы, в том числе и балкарцы, вынуждены были теперь покупать соль на этих пунктах. Здесь пуд соли стоил 1 руб.—1 руб. 50 коп. Конечно, это сильно ударило по экономике горцев, куда выгоднее было торговать свободно с казачьими станицами. «Контрабандная торговля, торговля на ярмарках привела к тому, что в 30-х годах меновая торговля совершенно прекратилась»⁹⁹. Царизм не хотел терять доходы от продажи соли и, кроме того, свое влияние на горские народы. Попытки помешать ярмарочной торговле не имели результата. Открываются новые меновые дворы

⁹⁷ ЦГА ССРСР, ф. 12, оп. 1, л. 489, л. 58.

⁹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 1849, л. 25 и об.

⁹⁹ «Очерки истории балкарского народа...». Нальчик, 1961, стр. 56.

в Нальчике, Солдатске и Пришибском. Ярмарки действовали в Пятигорске, Георгиевске, Моздоке.

Следующая таблица показывает размеры торгового оборота Нальчикского менового двора¹⁰⁰:

Национальный состав торговцев	1 8 4 7 г.			1 8 4 8 г.		
	К-во торговцев	Отпущено товаров на сумму	Привезено горцами товаров на сумму	К-во торговцев	Отпущено товаров на сумму	Привезено горцами товаров на сумму
Балкарцы Кабардинцы Осетины	8150	11 676 р. 38 к.	11 778 р.	4800	9992 р. 69 к.	6964 р.

Как видим, за два года горцам отпущено товаров на 2927 руб. 07 коп. больше, чем привезено. По сведениям Т. Х. Кумыкова, в 1849 г. количество торговцев из балкарцев, кабардинцев и осетин составило 8000, торговый оборот — 6743 руб., а в 1850 г. — торговцев 8060, оборот же 5465 руб. 50 коп.¹⁰¹

Кабардинцы и балкарцы выгодно сбывали лесоматериал. Лес шел не только в обмен на товары, но и на деньги. За 1846—1848 гг. кабардинцы, балкарцы, осетины вывезли изделий из леса и делового леса в Пятигорск, Георгиевск, Екатериноград на сумму 80 182 руб.¹⁰² Брус и доска из делового леса, из сосны стоили до 6 руб., а из лиственных пород — от 1 до 2 руб. Годовой оборот балкарцев, кабардинцев и осетин составлял около 40 тыс. рублей. Продукты охоты у балкарцев тоже шли на рынок. Особенно высоко ценилась пушнина и медвежье сало. Шкуры медведей и пушнину горцы сбывали в Нальчике и в других местах. Годовой доход у балкарцев и кабардинцев от продажи пушнины составлял около 20 тыс. рублей.

Торговля Балкарии в I половине XIX в. в основном носила меновой характер. В развитии торговли большим тормозом была феодальная раздробленность и натуральный характер экономики Балкарии. Отсутствие колесных

¹⁰⁰ Н. Забудский. Указ. соч., стр. 225.

¹⁰¹ «Очерки истории балкарского народа...», Нальчик, 1961, стр. 57.

¹⁰² См.: Н. Забудский. Указ. соч., стр. 125—126.

дорог также отрицательно влияло на расширение торговли.

Несмотря на это, торговля балкарцев с другими народами ломала патриархальные устои и вовлекала Балкарию во всероссийский рынок. Торговля в какой-то степени подготовила предпосылки проникновения капиталистических отношений в экономику Балкарии «и ускорила процесс сближения горцев с русским населением, расширила рамки благотворного влияния русских на быт балкарцев и способствовала развитию классового самосознания горцев»¹⁰³. На базарах, ярмарках, меновых дворах встречались представители различных национальностей, что вело к укреплению и расширению дружбы трудящихся масс этих национальностей.

Особенности развития феодализма в Балкарии

В рассматриваемый период в Балкарии господствовали феодальные отношения, тесно переплетававшиеся с патриархально-родовыми пережитками. Феодальные отношения у балкарцев характеризовались теми же признаками, на которые указывал В. И. Ленин при характеристике барщинного хозяйства в целом: господством натурального хозяйства; наделением непосредственного производителя средствами производства и землей в частности; личной зависимостью крестьянина от помещика; крайне низким рутинным состоянием техники.

Основой феодализма у балкарцев, как и других народов, являлась феодальная собственность на землю.

В горах Балкарии было очень мало плодородной земли. А это сыграло свою роль в возникновении частной собственности на землю.

Ввиду разбросанности участков земель вся община не могла участвовать в обработке полей. Обработкой отдельных участков земли занимался один двор, и, по обычаям трудовой заимки, обработанные участки земли превращались в собственность того, кто вложил труд. Так возникала подворная частная собственность на пахотные участки, а со временем и на покосные. Приобретение земельных участков отдельными членами общины в частную собственность вело к разложению общины.

¹⁰³ «Очерки истории балкарского народа...». Нальчик, 1961, стр. 58.

Энгельс отмечает, что выделение и передача отдельных участков земли в собственность членов общины происходили лишь там, где к этому вынуждал характер местности: в тесных горных долинах или же на узких плоских возвышенностях между болотами¹⁰⁴. В таких условиях передел земли был почти невозможен. Имущественное неравенство вело к появлению социального неравенства. Нужно предполагать, что в частную собственность общинника в Балкарии, как и в других странах, в первую очередь перешла приусадебная земля. Недаром Ф. Энгельс писал: «Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была земля, на которой стоял дом»¹⁰⁵.

Возникновению феодальных отношений в Балкарии способствовало также наделение земель крестьян при условии их службы. В повинностях каракишей по отношению к своим владельцам мы находим подтверждение этого факта¹⁰⁶.

Немаловажную роль в образовании феодальных отношений сыграло и эмчекство—аталычество. По балкарскому обычаю аталыку со стороны семьи эмчека делались ценные подарки в виде земли и скота. Эти подарки служили не только как возмещение расходов, понесенных аталыком при воспитании своего эмчека, но и вынуждали аталыка нести определенные повинности в пользу семьи эмчека. Эмчекские повинности в Балкарии переходили по наследству, чего не было у других народов Северного Кавказа. Земля, полученная аталыком от эмчека, находилась в условном владении. Если аталык отказывался нести эмчекские повинности, то эмчек немедленно отбирал землю назад. Так, еще до отмены крепостного права Шамхал Джанхотов подарил землю своему эмчеку (молочному брату) Зугу Бузиеву*. Зуга Бузиев при освобождении передал землю своему владельцу Женокову, у которого ее купил Башиев. Прошло более 9 лет. Несмотря на это, Шамхал Джанхотов

¹⁰⁴ См.: Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс. Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 332—333.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 1, л. 107, л. 110, об.

* «Эмчек» может иметь два значения: а) воспитанник выступал как «эмчек» (сосущий грудь) по отношению к своим воспитателям; б) сын воспитателей являлся «эмчеком» по отношению к воспитываемому, т. е. молочным братом.

предъявил претензию, заявив: «Земля эта прежде была его и подарена эмчеку, который ныне не стал нести повинности эмчека, поэтому и должен возвратить все подаренное ему»¹⁰⁷. По решению аульного суда, старшина отобрал землю у Башиева и передал Джанхотову.

Основой производственных отношений балкарского феодального общества была собственность балкарских таубиев на землю и скот. Рядом с феодальной собственностью существовала собственность крестьян на средства производства — орудия труда, рабочий скот, семена, хозяйственные постройки. Феодал-таубий отдавал часть земли зависимым сословиям — каракишам, чагарам, Джасакчи, за что последние несли определенные повинности в пользу своего владельца.

Документы подтверждают, что крестьяне сидели на земле таубия и выполняли работу на барской запашке или же уплачивали продуктовую ренту. Какая рента господствовала, мы увидим ниже. Здесь же отметим, что существование различных рент — свидетельство о существовании феодальных отношений.

Крестьянин пользовался не только землей таубия, но и его тягловой силой — быками и лошадьми. Обычное право балкарцев зафиксировало: «Для произведения хлебапашества и сенокоса для старшин, земля и быки старшин»¹⁰⁸. Бедняки часто получали в аренду быков, лошадей, коров при условии выполнения определенных повинностей. Говоря об этом, не следует затушевывать основную форму зависимости — земельную. Но нельзя забывать и того, что: «скот в экономическом смысле — это почти то же самое, что и земля, и огромные табуны скота при отгонном или кочевом скотоводстве составляют в сущности такую же монополию феодального класса на природу, как монополия на землю, воду или охотничьи угодья»¹⁰⁹.

На Северном Кавказе, в том числе и в Балкарии, широко практиковался захват земли, что также способствовало образованию частной собственности на землю. В образовании и развитии феодальных отношений у бал-

¹⁰⁷ ЦГА КБАССР, ф. 22, оп. 1, л. 60, л. 1 и об.

¹⁰⁸ Ф. И. Леонтович. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882, вып. 1, стр. 275.

¹⁰⁹ С. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 56.

карцев немалую роль сыграло и влияние Кабарды, где феодальные отношения были более развитыми.

Итак, следует отметить, что процесс феодализации у балкарцев протекал примерно в том же порядке, как и у других народов. Но имелись и специфические черты, вызванные характером занятий и природными условиями. В Балкарии существовала частная собственность в виде семейной, подворной, что ограничивало в какой-то мере продажу земли. По обычному праву балкарцев преимущественным правом купли продаваемой земли пользовался родственник. Если он отказывался от своих прав, участок земли мог приобрести его сосед. И только при несостоятельности тех и других земля могла быть продана кому угодно.

В Балкарии продолжала существовать и община, но она была уже территориальной (сельской). Сельская община сыграла некоторую положительную роль в жизни балкарского крестьянства. Она защищала крестьянство от притязаний феодалов, стремившихся окончательно лишить еще сохранявшиеся некоторые права у зависимого населения. Кроме того, община препятствовала захвату своих земель феодалами. По утверждению Ф. Энгельса, община дала «угнетенному классу, крестьянам, даже в условиях жесточайшего средневекового крепостного права, локальную сплоченность и средство к сопротивлению»¹¹⁰.

Наряду с общиной не изжила себя и патронимия. Существование патронимии выявляется даже во второй половине XIX века как по литературным, так и по собранным полевым материалам. Нельзя не согласиться с мнением А. В. Фадеева, который объясняет существование сельской общины и патронимии суровыми горными условиями и характером занятий кавказских горцев¹¹¹. Действительно, отгонное скотоводство, существовавшее в горах Балкарии, способствовало сохранению общинно-родовых порядков у балкарцев. Этому же содействовало и отсутствие централизованной власти в Балкарии. Одной из особенностей развития феодального землевладения было и то, что запрещались переделы пахотных участков.

¹¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произведения, т. 2, 1949, стр. 290.

¹¹¹ См.: А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, стр. 369.

Некоторые вопросы землевладения и землепользования балкарцев

Соответственно специфике феодализма в Балкарии и земельные отношения балкарцев имели свои особенности. В Балкарии существовали феодальная, подворно-индивидуальная и общественная формы земельной собственности.

Документы того времени отмечают: «Все земли в горах различаются на 2 вида: собственные, т. е. перешедшие по наследству от предков, или купленные в позднейшие времена, или имеющие на них давние права собственности, и общественные, т. е. принадлежащие всему обществу нераздельно»¹¹².

У балкарцев земля разделялась на три вида: пахотная, покосная и пастбищная. Пахотная и покосная земля в свою очередь разделялась на 2 разряда: лучшую и худшую. Участки пахотных или покосных земель, расположенные вблизи населенных пунктов и хорошо удобренные, орошенные водою, считались лучшими, и они ценились гораздо выше, чем другие участки, расположенные вдали от населенных пунктов. Все лучшие и удобные земли давно были в частной собственности. Современники сообщали, что балкарец очень удивился бы, если бы ему сообщили: в горах есть свободная земля, никому не принадлежащая.

В частную собственность в первую очередь перешла приусадебная и пахотная земля. «Каменистая почва, — отмечал Н. П. Тульчинский, — превращенная в культурную землю чрезвычайными усилиями человека, становилась собственностью лица, производившего очистку от камней, орошение и удобрение почвы навозом, приносимым из других мест. Такая собственность по воззрениям горцев считается неотъемлемою обычною собственностью»¹¹³.

О форме владения земли разными категориями населения речь будет идти ниже. Сейчас же рассмотрим общественную собственность на землю. Общественная собственность распространялась главным образом на вы-

¹¹² ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 49.

¹¹³ Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды. Владикавказ, 1903, стр. 167.

гоны, летние пастбища и леса. Кроме того, в общественной собственности были значительные участки покосной земли. Документы всегда отмечают, что «в горах все земли, удобные к обрабатыванию, составляют частную собственность. В общественном пользовании состоят аульные выгоны и летние пастбища, которые обыкновенно находятся не в глубине ущелий, а по скатам и вершинам, окаймляющим горы, почему к возделыванию совершенно непригодны» ¹¹⁴.

Общественные земли лежали разбросанно, отдельными клочками среди участков, бывших в частной собственности. Такое расположение общественных земель вело к тому, что таубии постепенно по частям присваивали себе эти земли. Споры между таубиями и представителями всего общества, тянувшиеся десятилетиями, были обычным явлением ¹¹⁵.

Отдельные пастбищные участки принадлежали одному поселку или группе селений, реже — целому обществу. Покосные участки земель чаще всего — одному поселку. Существовали и патронимические поселки, у которых в общественной собственности находились летние пастбища и покосные участки. Пахотная земля была в частной собственности каждой семьи, входившей в патронимию.

У адыгейцев же пахотная земля была в безраздельном владении всей патронимии в целом, обрабатывалась коллективно и в известные сроки происходили редкие переделы ¹¹⁶. Переделы земли в первой половине XIX в. у балкарцев вообще не сохранились. Лишь по преданиям можно выяснить, что и в Балкарии существовали переделы и вся земля была в общем пользовании. В предании о происхождении чегемских таубиев сказано, что «все население участвовало в равной мере во владении землею; земля делилась между дворами и на определенный срок» ¹¹⁷.

¹¹⁴ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 100.

¹¹⁵ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959, стр. 129—130.

¹¹⁶ См.: Э. Л. Коджесау. Патронимия у адыгов. Ж. «Советская этнография», 1962, № 2, стр. 116.

¹¹⁷ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. 1, М., 1890, стр. 253.

Размеры общественной земли в каждом обществе были неодинаковы. В трех балкарских обществах общественной земли было 5600 десятин¹¹⁸. Из них в Хуламском обществе 2100 десятин, в Безенгневском — 1700 десятин, в Чегемском — 1800 десятин. Эти данные относятся к 60-м годам XIX в. Почти вся эта общественная земля использовалась в качестве летних пастбищ. Большинство пастбищных земель в Балкарии находилось в общественной собственности. Но в период феодализма эта собственность была формальной. В подавляющей части скот принадлежал таубиям и небольшой группе зажиточных каракишей. Ввиду этого и пастбищные земли находились в руках тех, кто владел скотом.

К. Маркс отмечал: «Собственность на естественные продукты земли, на овец — это одновременно и собственностью на луга, по которым они передвигаются»¹¹⁹. Таким образом, общественная собственность на пастбища и покосные участки в Балкарии к первой половине XIX в. фактически стала фикцией.

В первой половине XIX в. в Балкарии широко практиковалась отдача земли в аренду. В аренду отдавали земли не только таубии, но и каракиши. Условия аренды земельных участков зависели как от назначения, так и качества земли. Феодалы отдавали в аренду свои земли на 5—10 лет, иногда бессрочно. Все труды и расходы при обработке взятой в аренду земли ложились на плечи арендаторов. Аренда земли была формой эксплуатации крестьян со стороны феодальной верхушки Балкарии. При аренде чаще всего бытовала «испольщина» («ортакъ»), но бывали и другие условия.

За аренду пахотной земли (где бы она ни находилась) арендатор уплачивал собственнику $\frac{1}{2}$ собранного урожая. За отдачу в аренду покосной земли собственник получал половину сена, если земля находилась вблизи селения. Если же покосная земля находилась вдали от покосного пункта, то арендатор отдавал $\frac{1}{3}$ скошенного сена¹²⁰. По свидетельству М. Абаева, арендатор уплачивал даже $\frac{2}{3}$ собранного урожая, что зависело от качест-

¹¹⁸ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 22.

¹¹⁹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистической промышленности*. «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 21.

¹²⁰ Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института (СОНИИ), ф. 16, оп. 1, д. 9, л. 22.

ва участка, местонахождения, трудности удобрения и орошения¹²¹.

Испольщина еще больше закабаляла крестьян, их экономическое и политическое положение ухудшалось. В. И. Ленин писал: «Испольщина, обработка земли из половины урожая или уборка сенокосов из третьей копы («на третьяк») представляет собой тоже прямое переживание крепостничества»¹²².

За отдачу в аренду участка хорошей пастбищной земли, где могли пастись 100 овец, хозяин земли получал одну овцу с ягненком, если же земля относилась к худшей категории, то арендатор уплачивал лишь одну овцу с 100 овец. И в первом и во втором случае собственник земли получал в течение 3—7 дней все молоко овец¹²³.

Так как главным занятием балкарцев было скотоводство, то в течение столетий у них складывались интересные институты обычного права, касающиеся скотоводческого хозяйства. В Балкарии наряду с арендой земли существовала и аренда на скот. В аренду сдавали ослов («эшек ортакъ») и коров («инек ортакъ»).

Наибольшее распространение получила аренда на мелкий рогатый скот, и в литературе она освещена лучше других видов «ортака». В балкарских обществах бытовали главным образом три формы ортака на мелкий рогатый скот.

✓Первая форма — «ортak с прибавкой» («кьошхан ортакъ»). Нанимая пастуха, хозяин отдавал ему определенное количество овец. Пастух прибавлял к ним половину и пас в течение 5 лет. Все расходы, связанные с пастьбой овец, нес пастух. По прошествии 5 лет овцы делились пополам между наемным пастухом и владельцем овец. Второй вид ортака — «ортak без прибавки» («кьошмагъан ортакъ»). При этом хозяин, отдавший своих овец в ортак, в течение 5 лет получал половину шерсти весенней и осенней стрижки. Кроме этого, осенью получал одну овцу с ягненком. Суть третьей формы ортака заключается в том, что хозяин отдавал в ортак некоторое количество овец на 5 лет. По истечении 5 лет хозяин получал обратно своих овец. Приплод же доставал

¹²¹ См.: М. К. Абаев. Балкария. Исторический очерк. Ж. «Му-сульманин». Париж, 1911, № 14—17, стр. 618.

¹²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 91.

¹²³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1051, лл. 18, об. 19.

ся пастуху. Бывали случаи, что приплод делился пополам между хозяином и пастухом¹²⁴. Шерсть делилась тоже пополам. Весной и осенью хозяин получал одного барана. Этот вид ортака распространялся и на крупный рогатый скот.

Почти каждая категория населения Балкарии прибегала к ортаку. Но не для всех он играл одинаковую роль. Справедливо замечание Т. Х. Кумыкова о том, что «ортак одних обогащал, других разорял»¹²⁵.

При наличии большой семьи, тем более когда в ней были в подавляющем большинстве мужчины, ортак давал возможность беднякам улучшить свое материальное положение. Если же нанятый пастух имел свои летние или зимние пастбища, то его положение было лучше в том смысле, что он мог заключить выгодное условие с хозяином скота. Все же феодальная верхушка Балкарии использовала ортак для еще большей эксплуатации феодально-зависимого крестьянства.

Интересным поземельным институтом является бегенда. Институт бегенды привлекал внимание многих исследователей, но не все правильно его понимали. Даже советские исследователи рассматривали институт бегенды как простую отдачу земли в аренду¹²⁶.

Фактически дело обстояло иначе. Конечно, институт бегенды изменялся, и в пореформенный период он имел уже другое содержание. Для первой половины XIX в. бегенда имела широкое распространение в балкарских обществах. Владелец земли, взявший что-либо в долг, отдавал землю заемодавцу. Заемодавец пользовался этой землей до возвращения ему долга. Естественно, весь урожай принадлежал ему. Договор о бегенде заключался и со сроком и бессрочно. Бегенда переходила по наследству. При заключении бегендного договора присутствовали почетные старики и эфендий. Случалось, что заключали даже письменный договор.

В долг брали деньги, скот, холопов. Бывало и так, что землю закладывали и при невозможности быстрой уплаты калыма. Так, Кучук Барасбиев в 1862 г. заклю-

¹²⁴ См. Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 215.

¹²⁵ «Очерки истории балкарского народа». Нальчик, 1961, стр. 61.

¹²⁶ См.: «Очерки истории балкарского народа...». Нальчик, 1961, стр. 60.

1. не соответствует

БТМ и КММ
ИНОР 1к. проф

чил договор со своей женой, по которому он передавал ей пахотный участок земли до уплаты 300 рублей ка-лым¹²⁷. Было оговорено, что Барасбиев должен уплатить эти 300 рублей ровно через год, в противном случае земля переходила в собственность его жены. Если указывался срок, то кредитор обязательно должен был вернуть долг, ибо землю свою он терял навсегда.

В 1843 г. Ислам Ахметов отдал Али Мамашеву свой родовой участок, стоящий 1500 руб., для обеспечения своего долга в 200 руб.¹²⁸ В договоре было определено, что долг надо вернуть в течение 10 лет. Кредитор не смог уплатить в срок свой долг. Через 26 лет сын кредитора возбудил иск о возвращении ему земли, но суд определил, чтобы спорный участок был разделен пополам.

Родственные связи при заключении бегендного договора почти не играли никакой роли. Даже отец отдавал в бегенду землю своему сыну. Так, в апелляционной жалобе Джамбот Балкароков указывал, что его отец Казн Балкароков взял у своего сына (брата просителя) в долг 150 руб. За это отдал землю «Былым», стоимостью 1500 рублей бессрочно в бегенду. В своей жалобе Джамбот требовал возврата земли, но суд отказал, ссылаясь, что его брат Докшуко умер 10 лет назад¹²⁹.

Заложенную в бегенду землю владелец мог продать и подарить кому пожелает, но бегендное право оставалось за кредитором¹³⁰.

Покупатель уплачивал всю стоимость земли или только часть. При уплате всей суммы кредитор мог получить свой долг, если он этого желал¹³¹. Обычно кредиторы не соглашались на это, так как держать землю в бегенде было выгодно. Для этого они выдвигали всякие требования: вернуть долг натурой, т. е. за взятого холопа — вернуть холопа, за скот — уплатить скотом того же возраста и породы и т. д. Владельцы земли, предъявлявшие иски во второй половине XIX в. о возврате им земли, отданной еще в 30-х годах XIX в. в бегенду, почти всегда получали отказ. Суд ссылался на давность

¹²⁷ ЦГА КБАССР, ф. 30, оп. 1, д. 1, л. 28.

¹²⁸ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 259 и об.

¹²⁹ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 3, л. 13, лл. 4 об., — 5 об.

¹³⁰ М. К. Абаев. Указ. соч., стр. 618.

¹³¹ См.: Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 211.

сделки. Многие таубини и каракиши приобретали больше состояния, отдавая землю в бегенду.

Бегенда была известна многим горцам Северного Кавказа. У осетин этот институт назывался «бавстау». В отличие от балкарцев, у осетин долг обеспечивался залогом не только недвижимого имущества, но и движимым имуществом¹³².

В чистом виде бегенда сохранилась только у балкарцев. Наличие ее отмечали все исследователи, писавшие о земельных отношениях балкарцев.

Таким образом, сущность бегенды в первой половине XIX в. можно определить следующим образом: бегенда есть поземельный институт, при котором дебитор закладывает свою землю бессрочно или со сроком кредитору за долги (деньги, скот, холопы), при этом кредитор и его наследники пользуются землей безраздельно, до получения своего долга, но право собственности остается за дебитором.

Во второй половине XIX в. бегендой в Балкарии уже называют аренду земли, т. е. бегенда изменила свою суть. Все же долгое время продолжал существовать и обычай заклада земли за долги. В аренду давали землю не только таубини, но и отдельные крестьяне, которые были не в состоянии обрабатывать свой участок. Бывало, что владелец земли получал сразу же арендную плату¹³³. Притом отдавал свою землю тому, кто вносил большую арендную плату. Здесь уже не считались ни с какими родственными связями и заявляли: «Отдача в бегендное пользование или под залог под занятую сумму или имущество не может стесняться никакими родственными связями и по нашему обычаю я могу отдать в залог свое имущество кому пожелаю, т. е. кто мне больше ссудит денег»¹³⁴.

У балкарцев в земельных отношениях сохранялись многие интересные обычаи. Существовало преимущественное право родственника при продаже и покупке земли. Это был пережиток родового быта. По воззрениям балкарцев, связанным с культом предков, утрата имущества считалась большим несчастьем, поэтому обычай

¹³² См.: М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 165.

¹³³ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 3, л. 73, л. 30 об.

¹³⁴ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 3, л. 59, л. 7.

повелевал не препятствовать возврату имущества соответствующему роду.

Родственник пользовался своим преимущественным правом и при переходе земли в собственность кредитора по бегендной сделке. В таких случаях правительство часто ограничивало это право ¹³⁵.

Покупатель земли иногда брал письменное обязательство у ближайшего родственника продавца о том, что он отказывается от своих прав на эту землю. Если родственник продавца сразу не заявлял о своих правах, то впоследствии он не мог вернуть проданную землю. Поэтому балкарец мог прервать свою молитву, услышав о продаже земли своим родственником ¹³⁶.

Споры о земельных участках разрешались тоже оригинальным способом. При возникновении спора между собственником земли и бегендатором, первый должен был представить свидетельские показания или же письменный договор. Если таких данных не было, то бегендатор принимал присягу в том, что ни он, ни его предки спорный участок не получали в бегенду ¹³⁷.

В случаях спора о границах земли балкарец брал камень или же горсть земли и нес на то место, где, по его мнению, проходит граница межи. При этом он обнажал голову и правое плечо, что означало знак покорности, передача себя во власть другого. У осетин спор о границах разрешался таким же способом ¹³⁸.

Клялись иногда кораном. В Балкарии до сих пор рассказывают, как горец ложной клятвой на коране приобретал себе участок земли. Перед тем как идти к спорному участку, истец наполнял свою обувь землей с собственного участка. Стоя на спорном участке и открыв коран, он смело клялся: «Пусть я и мои родственники погибнут, если я не стою на своей земле...» В результате такой лживой клятвы он приобретал спорный участок земли.

Из вышесказанного видно, что в Балкарии наряду с феодальной и подворно-индивидуальной собственностью на землю существовала и общинная собственность, которая в I половине XIX в. уже потеряла свое

¹³⁵ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959, стр. 157.

¹³⁶ См.: Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 214.

¹³⁷ См.: М. К. Абасов. Указ. соч., стр. 618.

¹³⁸ См.: М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 193.

первоначальное содержание. Общины в большей части находились в зависимости от таубиев.

Существование общинной собственности показывает, что феодальные отношения в Балкарии не завершились даже в XIX в., хотя балкарское общество давно распалось на два антагонистических класса — феодальных владельцев и зависимого населения в лице различных категорий крестьян.

4.

Сословная структура балкарского общества

Г Незавершенность процесса феодализации в Балкарии наложила свой отпечаток на сословную структуру балкарцев: у них не сложилась феодальная лестница, присущая обществам с развитыми феодальными отношениями.

В первой половине XIX в. в балкарских обществах существовали следующие социальные группы: таубии, каракиши, ясакчи, чагары, казаки и каравашы. Таубии, владея большей частью земли и скота, эксплуатировали зависимых крестьян. К середине XIX в. различные категории крестьянства: каракиши, ясакчи, чагары не превратились в единый класс крепостных крестьян, что лишний раз говорит о незавершенности процесса феодализации в обществах Балкарии. В социальном строе балкарцев существовало и рабство, но труд рабов не был решающим и основным.

По неполным архивным данным численность каждого сословия в Балкарии к 1867 году представлена в следующем виде: таубиев — 520 человек, каракишей — 4722, ясакчи — 3166, казаков и каравашей — 974 чел. Численность чагар пока невозможно определить. Как видно, основную массу населения Балкарии составляли каракиши.

Рассмотрим более подробно экономическое и политическое положение каждого сословия.

В балкарских обществах привилегированными сословиями являлись таубии. К ним же относились и чанка — разновидность таубиев.

Источники называют таубиев благородными в отличие от черни. Сами таубии величали себя людьми белой кости («ак сюек»), отделяя себя от «черного» народа («кара киши»).

В русских официальных документах, начиная с 1852 г., привилегированное сословие балкарцев стало именоваться таубиями.

Балкарские адаты именovali таубиев «басият» или «секельт». Под названием «басият» таубии были известны и соседним народам: кабардинцам, осетинам, карачаевцам и этническим группам грузин: сванам, мингрельцам, имеретинцам. Семейства таубиев были немногочисленны. В опубликованных Ф. И. Леонтовичем материалах обычного права балкарцев мы находим следующие фамилии таубиев: в Черекском ущелье — Абаевы, Айдебуловы, Джанхотовы, Мисаковы; у хуламцев — Шакмановы; у безенгийцев — Суншевы; в Чегемском ущелье — Балкароковы, Келеметовы, Битовы, у урусбиевцев — Урусбиевы¹³⁹. Впоследствии число фамилий таубиев достигло 13.

Балкарские таубии владели основными средствами производства — землей и скотом, а также полукрепостными и крепостными крестьянами; последних могли продавать, дарить и отдавать в калым. Таубии были верховными собственниками земли и скота, что являлось основой их экономического могущества.

Таубиев насчитывалось около 4% от общего количества населения Балкарии. Однако на долю этих 4% приходилось больше $\frac{1}{3}$ пахотных и сенокосных участков. К 1867 г. в Баксанском ущелье было 126 десятин пахотной и сенокосной земли. Из этой земли 60 десятин принадлежало 2 дворам Урусбиевых, а остальные 66 десятин распределялись между крестьянами¹⁴⁰.

Кроме того, Урусбиевы считали своей собственностью земли селения Гижгит и Шашбават. По этому поводу таубии Урусбиевы вели процесс с казной и урусбиевским обществом. В Хуламском ущелье таубиям Шакмановым из общественных земель принадлежало более 800 десятин пахотной и покосной земли. Не считаясь с этим, они предъявляли права собственности на земли в районе Кашкатау и на пахотный и сенокосный участок в местности Мготоль. Таубии Суншевы владели 605 десятинами из общественной земли и вели спор о 100 десятинах покосной земли¹⁴¹.

¹³⁹ См.: Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 274.

¹⁴⁰ ЦГА КБАССР, ф. 40, оп. 1, д. 8, л. 19 об.

¹⁴¹ Там же, д. 12, лл. 20—21.

Кроме того, балкарским таубиям принадлежало 60% всего поголовья скота. [Таубии были главными крепостниками, владевшими не только чагарами — крепостными крестьянами, но и патриархальными рабами. Таубии широко использовали труд других категорий крестьян, которые несли отработочную и натуральную ренту. Феодалы приспособили старинные обычаи: гостеприимство, аталычество и др. для еще большей эксплуатации зависимых от них крестьян.]

[В руках таубиев была административная и политическая власть.] Терско-Кубанская сословная комиссия отмечала: «При таком порядке вещей (когда одна часть населения находилась в состоянии рабства, а другая в ленной зависимости) судебская, исполнительная и административная власти не могли принадлежать никому другому, как только лицам всеильного в горах сословия таубиев»¹⁴².

Исключительное право взимания пошлин с приходящих торговцев, судебная и административная власть, принадлежавшая таубиям, являлись одним из источников их обогащения. Помимо всего сказанного, таубии имели еще целый ряд преимуществ перед другими сословиями.

Имея в своих руках основные средства производства, административную и судебную власть, таубии беспощадно эксплуатировали каракишей, ясакчей, чагар и домашних рабов.

2 [В сословие каракишей (иначе их называли еще «уздени», «кара уздени») входила большая часть зависимого крестьянства в балкарских обществах.

Социальное положение каракишей было противоречивым. В состав каракишей входили две группы зависимого населения — крестьяне лично свободные, но экономически зависимые, и разбогатевшая перодовитая часть землевладельцев и скотоводов.] Некоторые фамилии каракишей настолько разбогатели, что могли соперничать уже с таубиями. Разбогатевшая верхушка каракишей имела не только сотни голов крупного рогатого скота и тысячи штук овец, но и несколько семейств холопов. Из прошения узденя Темирханова, например, выясняется, что при разделе ему «достались четыре семейства холо-

¹⁴² ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 1, д. 107, л. 111, об.

пов»¹⁴³. По обычному праву балкарцев каракиши могли иметь рабов¹⁴⁴.

Несомненно, что разбогатевшая верхушка этого сословия пользовалась в балкарских обществах большим весом. Она вплотную подошла к сословию таубиев, но в силу замкнутости феодальной касты она не имела права перехода в высшее сословие. Разбогатевших каракишей было меньшинство. Основную часть их составляли трудовые массы эксплуатируемого крестьянства. Таким образом, рассматривая сословие каракишей, нужно учитывать, что они не были однородными, хотя юридически и считались таковыми.

К моменту отмены крепостного права все каракиши, за исключением фамилии Джабоевых (в Хуламском ущелье), полностью зависели от своих таубиев. Говоря о зависимости каракишей, нельзя упускать из виду факт невысокого развития феодализма в балкарских обществах. Поэтому эта зависимость не носила черты классического крепостного права, однако В. И. Ленин, рассматривая внеэкономическое принуждение крестьян при барщинной системе хозяйства, писал: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного сословия и кончая сословной неполноправностью крестьянина»¹⁴⁵.

Юридически каракиши считались лично свободными. Поэтому таубий не мог их продать. Но владельцу предоставлялось право продать те повинности, которые отбывали каракиши. В середине XIX в. цена этих повинностей не превышала 60 рублей ежегодной платы. Каракиши сами могли выкупиться, уплатив эту сумму. Они были лишены права свободного перехода от одного таубия к другому. Уже в 40-е годы XIX в. таубии обладали определенной административной властью над сословием каракишей. В адатах балкарцев зафиксировано, что таубий мог посылать своих слуг в дом каракиши для принудительного штрафования за какие-либо проступки. Если каракиши сопротивлялся посланным холопам, то с него взимался дополнительный штраф.

¹⁴³ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959, стр. 20.

¹⁴⁴ См.: Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 282.

¹⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3, стр. 185.

Каракитши пользовались землей на правах частной собственности и на правах условного владения. Сразу же нужно оговориться, что только меньшинство каракитшей владели землей на правах частной собственности. Недаром еще М. Ковалевский и В. Миллер отмечали, что право собственности на землю исключительно сосредоточивается в руках таубиев и небольшого числа каракитшей¹⁴⁶.

Документы также говорят, что некоторая часть каракитшей имела землю в частной собственности. Так, в 1871 г. таубии Барасбиевы подали прошение на имя пристава, где просили заставить каракитшей Мамашевых уплатить долг за купленную землю. Из прошения видно, что в 1865 г. Исмаил Мамашев купил у Барасбиевых пахотный участок за 350 руб. и не расплатился вплоть до 1871 г.¹⁴⁷

Несмотря на то, что некоторые каракитши имели землю в частной собственности, все они находились в земельной зависимости от таубиев. Клочок пахотной и покосной земли не мог обеспечить существование крестьянина. Поэтому он вынужден был выполнять определенные повинности в пользу феодала за полученную от него землю.

Каракитши за пользование землей делали различные приношения таубию в виде различных даров, оказывали всевозможные услуги, все это часто выступало как добровольная помощь. Помимо этого уздени выполняли обязательные виды феодальной ренты в пользу таубиев, как верховных владельцев земли и представителей администрации. Эти повинности были узаконены адатами балкарцев.

Известно, что в исторической действительности нельзя встретить в чистом виде формы феодальной ренты. Поэтому в балкарских обществах также существовали одновременно две формы феодальной ренты (отработочная рента и рента продуктами). Существовала и денежная рента в зачаточном состоянии.

Проследим отдельно виды отработочной и продуктивной ренты. Труд каракитшей использовался во всех сель-

¹⁴⁶ См.: В. Миллер, М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Ж. «Вестник Европы», 1884, № 4, стр. 581.

¹⁴⁷ Документы по истории Балкарнии. Нальчик, 1959, стр. 127.

скохозяйственных работах: при пахоте, жатве, сенокосе и строительстве различных сооружений. При строительстве дома таубий сам заготавливал лес. Но каждая семья каракишей давала ему работника с парой быков для перевозки заготовленного леса ¹⁴⁸.

В период пахоты, при внесении удобрений, при жатке хлеба и перевозке его на гумно, при уборке сена каждый двор каракиши обязан был выделить таубию одного человека с парой быков и сельскохозяйственными орудиями для работы на целый день ¹⁴⁹. За известную плату феодалы нанимали каракишей пастухами и табунщиками.

Повинности узденей выражались не только в отработочной, но и в натуральной ренте. В период сенокоса каждый двор каракиши, имеющий не менее 60 овец, обязан был дать своему владельцу одного барана. Если таубий хотел приобрести холопа, но не имел для этого средств, то с каждого двора каракиши взималось по одной скотине.

У таубиев Шакмановых каракиши обязаны были давать ежегодно летом по 5 кругов сыра и по одной овце ¹⁵⁰. Даже при варке пива каракиши обязаны были доставить в дом таубия один кувшин этого напитка. В период острой нехватки сена, в течение 2 месяцев, каждая семья каракиши обязана была кормить одну скотину таубия. При гибели скотины по вине каракиши он должен был возместить убытки. Помимо перечисленных повинностей караузденей несли целый ряд других повинностей, предусмотренных обычным правом балкарцев.

Феодальная верхушка балкарских обществ приспособила многие институты родового строя (гостеприимство, взаимопомощь и т. д.) для обслуживания своих классовых интересов. Так, в обязанности каракишей входило кормить лошадей гостя, приехавшего к таубию ¹⁵¹.

При родовом строе старший в роду получал почетные части зарезанной скотины. Этот обычай сохранился у балкарцев до настоящего времени. В период же феодализма при резке скотины каракиши присылал таубию пять ребер, ближайших к груди. Если при охоте ка-

¹⁴⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, л. 1031, л. 14 об.

¹⁴⁹ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 6, л. 1245, лл. 129—130.

¹⁵⁰ ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, л. 1, л. 146 и об.

¹⁵¹ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 6, л. 1245, л. 130 об.

ракиши убивали тура или оленя, «то обязан был при-
слать владельцу $\frac{1}{3}$ часть мяса, голову и рога» ¹⁵².

Таубии получали помощь от каракишей при женить-
бе, разделе семьи, при уплате за кровь.

Зафиксированные адатами обязанности каракишей
показывают, что отработочная рента, которую несли ка-
ракиши, преобладала. Натуральная рента существовала
рядом с ней и еще не вытеснила ее.

3. Четвертую часть населения Балкарии составляли зави-
симые крестьяне — ясакчи *. Лично свободные они нахо-
дились в экономической зависимости от феодальной зна-
ти, иногда обычное право балкарцев разрешало прода-
вать и покупать их. При этом семейство ясакчи не раз-
дроблялось ¹⁵³.

Как и оги в Кабарде, ясакчи имели личную собствен-
ность: «наках» (венчальный подарок от владельца, раз-
мером 3—5 руб.), «дешериг» (приданое девушки) и $\frac{1}{3}$
«дедивос-белыма» (имущество, приобретенное холопом
собственным трудом).

Ясакчи могли выкупиться от своего владельца. Вы-
купную сумму определял сам феодал. При выкупе ясакчи
его имущество переходило к владельцу. Средняя цена
выкупа ясакчи была: от 1 до 15-летнего возраста от 10
до 150 рублей (10 рублей за каждый год возраста), более
старшие ценились сообразно телосложению, возрасту и
профессии. Вся же выкупная плата не превышала
200 рублей.

Ясакчи пользовались землей на правах условного
владения. За это они несли таубиям определенные по-
винности. Повинность их выражалась не только в нату-
ральной, но и денежной форме. В зависимости от возде-
льваемой земли, ясакчи платили владельцу земли от 2
до 9 мешков различных хлебов в год, что составляло от
5 до 23 рублей. За пользование покосными и пастбищ-
ными участками ясакчи отдавали таубию от 1 до 3 овец
ежегодно в течение четырех лет. На пятый год феодал
получал от 15 до 100 овец. Помимо этого ясакчи обязаны
были предоставить таубию для доения одну корову почти
на целый год. Взамен этого они могли дать 2 овцы или
же 4 руб. деньгами.

¹⁵² Архив СОНИИ, ф. 16, оп. 1, д. 9, л. 193.

* Правильнее будет «жасакчы», т. е. данники.

¹⁵³ Архив СОНИИ, ф. 16, оп. 1, д. 9, л. 22.

Для продовольствия косарей таубия в период сенокоса каждый двор ясакчи обязан был дать одну овцу или же 2 рубля ¹⁵⁴. Если таубий строил дом, то ясакчи предоставляли пару быков для перевозки леса. Каждый ясакчи уплачивал таубию по 10 рублей, если феодал не в состоянии был купить безобрядного холопа, т. е. казака или караваша.

И здесь таубии поставили на свою службу патриархально-родовые пережитки. Так, при смерти таубия каждый двор ясакчи доставлял в дом умершего один мешок солода для варения пива. При резке крупного скота ясакчи отдавали ее филейные части своему таубию.

Из всего сказанного вытекает, что труд ясакчи выступал в форме натуральной ренты. Притом натуральная рента в большинстве случаев заменялась денежной. Судя по документам, ясакчи появились позже других сословий. Адаты балкарцев, записанные в 1844 г., совершенно не упоминают о них.

Крепостные крестьяне под именем «чагары» были известны в XVIII в. По своему положению они приравнивались к карачаевским юльгюлькалам и кабардинским логанапытам.

44 Чагары считались обрядными, т. е. имели некоторые личные и имущественные права. В большинстве случаев чагары жили при дворе своего владельца и имели небольшое хозяйство. Владелец (таубий или каракиши) мог продавать и дарить чагар. В адатах балкарцев указано: «Старшины могут продавать и дарить кулов ¹⁵⁵, кому заблагорассудят» ¹⁵⁶. По обычному праву балкарцев семейство чагара при продаже не раздроблялось. Однако эти условия редко соблюдались. Владелец продавал своих чагар кому хотел и как хотел: и по одиночке и всем семейством. Так, вдова чагара Етезова Коки в своем прошении на имя начальника Горского участка жаловалась, что ее владелец Ногай Бараспиев чинит ей разные притеснения и продал ее сына Ашхикула таубию Балкарокову ¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Архив СОНИИ, ф. 16, оп. 1, д. 9, л. 20.

¹⁵⁵ В 40-е годы XIX в. чагары были известны как «кулы», хотя балкарцы употребляли этот термин для общего названия всех холопов.

¹⁵⁶ Ф. И. Леонтович. Указ соч., стр. 277.

¹⁵⁷ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1692, л. 4.

Цена на чагар была такой же, как и на ясакчи. Чагары могли требовать от нового владельца выкупа своего имущества, или же обеспечения их таким же имуществом. Они могли иметь даже собственных холопов. Чагары не могли свободно переходить от одного владельца к другому. Если они все-таки переходили, то теряли все свое имущество в пользу первоначального владельца.

По архивным данным почти невозможно определить, владели ли чагары землей на правах частной собственности или нет.

Некоторое представление об этом дают адаты балкарцев, где указано: «Кулы и казаки имеют собственные земли, подаренные старшиной или **купленные ими самими** (подчеркнуто нами.— К. А.); земли они эти пахут для себя и весь урожай берут в совою пользу, не отдавая из оного старшине ничего»¹⁵⁸.

Своего клочка земли чагарам было недостаточно. Маленький клочок земли не обеспечивал чагар всем необходимым для жизни, поэтому они попали в поземельную зависимость от таубиев; кроме того, существовало и внеэкономическое принуждение — личная зависимость. Эти два фактора и лежали в основе эксплуатации чагаров.

Обязанности чагар по отношению к своим владельцам выражались в отработочной и натуральной ренте. Отработочная рента заключалась главным образом в обработке земли владельца, что зафиксировано адатами балкарцев¹⁵⁹.

Труд крепостных крестьян-чагаров применялся везде в хозяйстве владельца. Степень их эксплуатации была намного выше, чем каракишей и ясакчи. Из каждого двора чагар двое (мужчина и женщина) должны были круглый год работать на своего владельца. Весной чагары пахали землю владельца и производили сев. Женщины работали на жатве хлеба. Хлеб на гумно свозили мужчины.

В период сенокоса из каждого двора чагар выделялся один косарь. Чагары в этот период сами должны были обеспечить себя продовольствием, в отличие от каракишей, которых кормил таубий.

¹⁵⁸ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 278.

¹⁵⁹ Там же, стр. 277.

Чагары следили не только за исправностью имеющихся оросительных канав, но и рыли новые канавы. На обязанности чагар лежало и участие в постройке дома и других хозяйственных сооружений. Дрова тоже заготавливали и привозили чагары. Работа чагар на сенокосе и при заготовке дров вообще не была регламентирована, что нашло отражение в адатах балкарцев. «Кулы, — подчеркивают они, — по очереди привозят дрова старшинам на старшинских ишаках и косят сено, сколько старшине угодно»¹⁶⁰.

За скотом ухаживали главным образом чагары. Таубий мог назначить их табунщиками и пастухами даже без согласия последних. Вообще владелец мог использовать труд чагаров все время по своему усмотрению, не оставляя им времени для работы в собственном хозяйстве. Недаром в записке о зависимых сословиях в Кабардинском округе сказано: «Чагары исполняют все работы по приказанию владельца во всякое время»¹⁶¹.

Наряду с отработочной рентой чагары несли и натуральную ренту. Собственное хозяйство у чагар было небольшое, поэтому и натуральную ренту они несли соответственно этому. При наличии овец, чагары отдавали своему владельцу по одному барану летом и зимой. Если двор чагара резал овец или крупный рогатый скот, то обязан был доставить к столу таубия $\frac{1}{3}$ туши.

Из приготовленного пива также отдавали владельцу один кувшин. Если владельцу требовался холоп, то чагары вместе с каракишами и ясакчами принимали самое активное участие в его покупке. Часто бывало, что у владельца не было ни каракиши, ни ясаки, в таком случае чагары обязаны «поочередно исполнять в доме своего таубия все работы, предназначенные казакам и каравамам»¹⁶².

Как видно, таубии имели право хотя бы на время превратить крепостного крестьянина в домашнего раба.

В виде подарка чагары отдавали своим владельцам $\frac{1}{3}$ заготовленных сыров. Различные патриархально-родовые институты также использовались для эксплуатации чагаров. Во время приезда гостей чагары обязаны были содержать их лошадей. Частые приезды гостей ра-

¹⁶⁰ Ф. Н. Леонтович. Указ. соч., стр. 277.

¹⁶¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1051, л. 17 об.

¹⁶² Ф. Н. Леонтович. Указ. соч., стр. 278.

зоряли хозяйство чагар и они попадали в еще большую зависимость от таубиев и каракишей.

Во время починок, устраиваемых владельцем чагара, последний доставлял в дом владельца положенное количество продуктов, которое строго регламентировалось обычным правом балкарцев.

При женитьбе чагара владельцу отдавали часть кадыма. При разделе имущества чагары также были обязаны часть имущества отдать владельцу.

Из всего сказанного следует, что основные тяжелые работы в хозяйстве таубиев, особенно у каракишей, имеющих своих чагар, выполнялись руками крепостных крестьян-чагаров. Труд чагаров выступал главным образом в форме отработочной ренты. Натуральная рента занимала незначительное место, денежной ренты почти не было.

5 Самым бесправным сословием у балкарцев считались казаки и карауаши. Они занимали такое же положение, что и карачаевские башсызкулы или кабардинские унауты и унаутки.]

Адаты не установили никаких определенных, отражающих личность казаков и карауашей отношений, они предоставили их полной власти владельца. Если зависимые крестьяне выступали как субъекты обычного права, то рабы выступали как объекты этого права. Поэтому документы их называют безадатными, или безобрядными, т. е. стоящими вне адата. Слово «казак» значит «одинокий», «бездомный», «бесприютный».

[Мужчины-рабы назывались казаками, женщины-рабыни — карауашами. Основным источником рабства был плен, похищение и покупка.] Домашние рабы состояли главным образом из других национальностей. Рабы считались чужеродными элементами, они не входили в соседскую общину, поэтому лишены были даже той защиты, которую оказывала община своим членам. Рабы жили во дворе владельца и выполняли все работы, которые им указывали.

Домашние рабы никаких семейных прав не имели. Владелец мог жить с карауашами как с любовницами. Для того чтобы пополнить число рабов, владелец мог отдать свою служанку замуж за холопа. Дети, рожденные от них, становились рабами. Отдавали иногда и за обрядного холопа. Так, в своем прошении таубий Магомет

Шакманов указывает, что «за честную и верную службу» выдал в замужество свою служанку за обрядного холопа Гуллу с условием, что после смерти Гуллы его жена вместе с детьми опять поступит к таубию в рабство»¹⁶³.

В рассматриваемое время цены на рабов были следующие: мальчик или девочка до 10-летнего возраста ценились от 50 до 200 рублей, до 15 лет — от 200 до 300 рублей. Мужчина до 45-летнего возраста оценивался до 400 рублей, а женщина — до 500 рублей¹⁶⁴. После 45-летнего возраста цена снижалась сообразно силе и здоровью раба. Рабы фигурировали как ценный товар наряду с движимым имуществом, и за убийство их владелец получал плату, как за потерю части имущества. Рабов отдавали в долг, в уплату за кровь.

(Положение домашних рабов в Балкарнии к моменту отмены крепостного права несколько изменилось по сравнению с началом 40-х годов XIX в., когда записывались адаты балкарцев. Составители адатов зафиксировали факт наделения казаков землей¹⁶⁵).

В дальнейшем уже не прослеживается этот факт. Видимо увеличение количества крепостных крестьян-чагаров и еще большее закрепощение каракишей дало возможность таубиям использовать труд рабов, в основном в своем дворе.

Владелец распоряжался трудом и временем рабов по своему усмотрению. Карауаши исполняли все домашние работы: занимались стиркой, мыли полы, готовили пищу и т. д. Казаки занимались не только домашним хозяйством, но и работали в поле, ухаживали за скотом. Одним словом, владелец мог по своему усмотрению использовать их труд там, где хотел. Категория казаков и карауашей, их отношение к орудиям труда и средствам производства, их правовое положение, форма эксплуатации говорит о том, что наряду с феодальными отношениями существовал рабовладельческий уклад в форме патриархального рабства. Поэтому неправы некоторые исследователи, рассматривающие казаков как крепостных крестьян, прикрепленных к земле «отдельно от которой они не могли продаваться»¹⁶⁶.

¹⁶³ ЦГА КБАССР, ф. 24, оп. 1, л. 92, л. 1.

¹⁶⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 7, оп. 8, л. 26, л. 41, об.

¹⁶⁵ См.: Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 277.

¹⁶⁶ Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета (УЗ КБГУ), вып. 18. Нальчик, 1963, стр. 115.

Классовая борьба в балкарских обществах

В результате усиления феодальной эксплуатации в Балкарии происходили классовые столкновения. Борьба трудящихся масс против своих эксплуататоров выражалась в разных формах (бегство, отказ от выполнения феодальных повинностей, открытые выступления и т. д.).

Острая классовая борьба в балкарских обществах происходила издавна, о чем свидетельствуют народные исторические песни. Исторические песни балкарцев отражали бесчеловечную эксплуатацию народных масс таубиями, результатом чего являлись открытые выступления отдельных представителей крестьян против своих владельцев. В песне «Атабий» рассказывается, как таубии Абаевы жестоко эксплуатировали крепостных крестьян и продавали их куда хотели. Так, один из Абаевых продал дочерей-красавиц Атабия в Закавказье в рабство. В отместку за это отец убил обоих сыновей Абаевых, но и сам принял мученическую смерть. Борьбу крестьян против своих угнетателей ярко отражает песня «Бек-Болат». Чтобы избавить свой народ от насильника-князя, охотник Бек-Болат сбросил его со скалы во время охоты. Убив таубия, Бек-Болат надеялся, что он «облегчит» участь тех, кто терпит гнет со стороны владельца. Столкновения на земельной почве были частыми явлениями, что также широко отмечается в песне «Гаполау». При разделе земли Гаполау выступил против феодалов, разоблачив их махинации, за что был убит. Как видно, антикрепостническая направленность названных песен выражена ярко и чаще всего заметен «бунт одиночки».

Одной из распространенных форм классовой борьбы в Балкарии были побеги крестьян от своих владельцев. В 1842 г. исполнивший обязанности начальника Центра Кавказской линии предписал Кабардинскому временному суду наказать розгами холопа Чедо Чедова за побег от своего владельца таубия Урусбиева и вернуть холопа назад¹⁶⁷. Однако таубий Урусбиев настоятельно просил начальство не возвращать его холопа назад ввиду его «дурной нравственности и неоднократно чинимым побегам и шалостям». Он хотел отдать его в рекруты и даже предлагал деньги, необходимые для сопровождения хо-

¹⁶⁷ ЦГА КБАССР, ф. 23, оп. 1, д. 2, л. 1.

лопа в Ставрополь. Боясь, что в пути Чедов может убежать, он просил назначить «строгий» караул и заковать Чедова в железные кандалы¹⁶⁸. Пример неповиновения Чедова был заразителен для других холопов, поэтому и не хотел Урусбиев его возвращения.

Крестьяне совершали побеги поодиночке и группами. При поимке бежавших холопов власти возвращали их назад владельцам, предварительно продержав их на гауптвахте.

«Холопы» часто отказывались переселяться за своими владельцами. Так, крестьяне таубия Темирханова и корнета Казбекова отказывались долгое время переселиться из Осетии в Балкарию¹⁶⁹.

Царские власти силой заставляли крестьян переселяться и брали с них расписку о готовности выполнить предписание начальства. Так, в 1862 г. холоп Ашхакул Апаев дал «подписку» исполнявшему обязанности начальника Баксанского участка, что в течение 10 дней он переселится вслед за своим владельцем Ногаем Барасбиевым, в противном случае обязывался заплатить штраф¹⁷⁰.

Крестьяне Балкарии выступали не только против своих владельцев. Они упорно отказывались платить деньги на содержание главного кадия и членов окружного и участкового судов. Несмотря на то, что в Балкарию был послан прапорщик Шорданов для взыскания денег в пользу эфендия Варитлова, крестьяне в течение 2 лет не желали уплатить положенные деньги¹⁷¹. При взыскании денег на содержание членов суда, чегемские жители Беслан Кудавев и Индрис Жабелов отказались не только уплатить деньги, но «даже произвели драку и бунт с посланным милиционером Магомедом Гогузоковым, казаками и чегемскими бегеулами»¹⁷² (глашатаями — К. А.). Деньги у них были взяты силой, но штраф в размере 50 рублей за неповиновение они не уплатили.

Несколько лет продолжалось неповиновение жителей аула Кирхожан Этезовых своему владельцу Атажукину.

¹⁶⁸ ЦГА КБАССР, ф. 23, оп. 1, д. 2, л. 3 и об.

¹⁶⁹ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959, стр. 59—61.

¹⁷⁰ ЦГА КБАССР, ф. 30, оп. 1, д. 1, л. 17.

¹⁷¹ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959, стр. 65, 66, 67, 75.

¹⁷² ЦГА КБАССР, ф. 30, оп. 1, д. 1, л. 19 об.

В свою очередь холопы Этезовых тоже отказались нести повинности в пользу последних ¹⁷³.

Крестьяне часто ездили «отыскивать» себе свободу не только в Нальчик, но и во Владикавказ. Поэтому исполнявший обязанности начальника Кабардинского округа в своем предписании начальнику Баксанского участка указывал: «В бытность мою в горских обществах, вверенного мне округа, до меня доходили жалобы владельцев, что некоторые из холопей их, отыскивая свою свободу, решительно отказываются отбывать владельцам должные по обычаю повинности» ¹⁷⁴.

Чтобы в какой-то мере ослабить антифеодальные выступления трудящихся масс, царские власти еще в 1851 г. издали приказ, обязывающий балкарских владельцев «составить списки всем своим подвластным узденям по степеням, вольноотпущенникам и крестьянам по числу дворов и по числу душ поименно» ¹⁷⁵, для того чтобы закрепить их. Этот приказ содействовал прикреплению крестьян к земле, а тем самым еще большему их закрепощению.

Бывали случаи, когда трудящиеся массы Балкарнии открыто выступали против своих владельцев. В 1855 г. крестьяне Чегемского и Хуламского ущелий потребовали снижения феодальных повинностей, а также свободного пользования пастбищами. Однако волнение не приняло вооруженного характера, таубиям удалось «успокоить» их ¹⁷⁶. К началу 60-х годов XIX в. обстановка в обществах Балкарнии была до того накалена, что начальники участков ездили туда не иначе, как с вооруженными казаками ¹⁷⁷.

Каракиши не раз обращались к начальству с прошениями, в которых утверждали, что они являются свободными, но таубии насильно их поработили. Все эти прошения стали разбираться в канцеляриях Кавказской администрации. Чтобы предотвратить открытые выступления, администрация стала уточнять и фиксировать в письменном виде обязанности каракишей. В 1849 г. та-

¹⁷³ ЦГА КБАССР, ф. 30, оп. 1, д. 2, л. 10.

¹⁷⁴ Там же, л. 20 об.

¹⁷⁵ Документы по истории Балкарнии. Нальчик, 1959, стр. 38—39.

¹⁷⁶ «Очерки истории балкарского народа...». Нальчик, 1961, стр. 68, 69.

¹⁷⁷ ЦГА КБАССР, ф. 30, оп. 1, д. 2, л. 18.

убии Шакмановы при содействии медиаторов Хамурзы Шаханова и Чиргоко Абисалова составили акт с представителями «черного народа». В этом акте скрупулезно перечислялись обязанности караузденой. 11 июня 1864 г. выборные от таубиев и каракишей, при участии начальников Кабардинского округа и Черекского участка, зафиксировали повинности каракишей, обязательные для всех балкарских обществ.

В ходе классовой борьбы укреплялась дружба между народностями Северного Кавказа. Балкарские крестьяне находили приют у кабардинцев, осетин, грузин, которые в свою очередь могли пользоваться помощью трудящихся масс Балкарии¹⁷⁸. Ярким свидетельством классовой солидарности трудящихся масс Северного Кавказа служат события, которые произошли в Осетии в 1781 г. В этом году, по свидетельству русского офицера Штедера, восстали осетинские крестьяне против своих угнетателей — баделят. Как отмечает Штедер, баделята вошли в согласие не только с кабардинскими князьями, но и балкарскими таубиями, ожидая от них помощи, но так и не дождались. Зато большинство балкарских крестьян во главе с Бекби поспешили на помощь осетинским трудящимся¹⁷⁹. В результате помощи балкарского отряда народные массы Осетии победили своих баделят, которые пошли на ряд уступок в пользу крестьян.

* * *

Из всего сказанного о сословиях в балкарских обществах можно сделать следующие выводы: хотя существовали различные сословия, но процесс классообразования не был завершен даже в 60-х годах XIX в.

При анализе всех повинностей зависимых сословий выясняется, что преобладающим видом ренты была отработочная. Продуктовая рента еще не вытеснила отработочную. Существовала и денежная рента. Господство отработочной ренты в балкарских обществах свидетельствует о том, что феодализм в Балкарии был развит слабо. Об этом же говорит и то, что существовали раз-

¹⁷⁸ См.: Документы по истории Балкарии, Нальчик, 1959, стр. 20—25, 60—61, 70 и др.

¹⁷⁹ См.: Б. В. Скитский, Хрестоматия по истории Осетии. М., 1956.

личные зависимые сословия, которые не образовали еще единого класса — крепостных крестьян.

Народные массы балкарских обществ вели упорную борьбу не только против своих феодалов, но и против царской администрации. В ходе этой борьбы трудящиеся массы Северного Кавказа всегда проявляли классовую солидарность.

Глава II

СИСТЕМА КОМПОЗИЦИЙ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ БАЛКАРЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Изучение системы композиций в обычном праве балкарцев имеет немаловажное значение. Рассматривая ее, можно легко убедиться в том, что институты обычного права балкарцев стали юридическими нормами существовавшего у них феодального общества. Другими словами, возникнув еще в условиях первобытнообщинного строя, институты обычного права балкарцев сохранили к XIX в. только форму народных обычаев. С установлением феодальных отношений в балкарских обществах они стали выражать интересы не всего народа, а всего лишь интересы феодальной верхушки, т. е., сохранив свою форму, коренным образом изменили свое социальное содержание.

Адаты балкарцев установили точную таксу выкупа за различного рода преступлений. Порядок натуральной или денежной компенсации за убийство (если родственники убитого отказывались от кровной мести), ранение, воровство и другие преступления называется системой композиций.

Рассмотрим систему композиций за убийство, воровство и другие преступления.

1. Система композиций за убийство, ранение и увечье

В системе композиций у балкарцев плата за убийство, ранение и увечье занимала главное место. Однако до появления системы выкупа за убийство у балкарцев, как и у всех кавказских горцев, существовала кровная месть. Поводами возникновения кровной мести были следующие обстоятельства: а) убийство, б) прелюбодея-

ние, в) столкновения на земельной почве или при разделе наследства, г) нарушение брачного договора, д) оскорбление очага и т. д.

Кровомщение у балкарцев прекращалось после убийства убийцы или его родственника. Кровная месть за убийство наиболее широко была распространена среди таубиев. Описывая «превосходнейшие роды» Балкарии и Осетии, Вахушти замечает: «В родах этих принято оказывать друг другу помощь, соратничать, пособлять, искать крови ибо, если убьет кого-либо (члена иной фамилии), эта другая фамилия не успокоится от поколения в поколение, вовек, пока и она не убьет кого-либо (из первой фамилии)»¹⁸⁰.

По адатам кавказских горцев муж, отец, сын, брат мог безнаказанно убить человека, застигнутого в прелюбодеянии с женой, дочерью, матерью, сестрой. При этом он должен был убить обязательно обоих, в противном случае убийца подвергался кровомщению. У балкарцев прелюбодейной жене отрезали нос и уши, затем привязывали ее к хвостам жеребцов, которых пускали в поле.

От мщения не избавлялся убийца даже по прошествии 20 лет. Так, в 1823 г. таубий Темирчи Абаев за прелюбодеяние с женой Габулы был убит, жена же Габулы осталась жива. Уже в 1843 г. сыновья Темирчи Абаева пытались убить предполагаемого убийцу, но ограничились сожжением его дома¹⁸¹.

Кровная месть у балкарцев часто бывала на почве земельного спора и при разделе наследства, даже среди родственников. Отказ от брачного договора как со стороны жениха, так и со стороны невесты вел также к кровной мести¹⁸².

В отдаленные времена у балкарцев, как и у других горцев Северного Кавказа, за неумышленное убийство полагалась кровная месть, но в 30-х годах XIX в. это встречается уже как пережиток и кровники легко мирились, соглашаясь на выкуп.

Среди балкарцев сильно был развит культ очага, сохранившийся вплоть до недавнего времени. В старом балкарском доме кухня играла немаловажное значение

¹⁸⁰ Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904, стр. 142.

¹⁸¹ ЦГА КБАССР. ф. 16, оп. 1, д. 243, лл. 1, 4.

¹⁸² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 5617, л. 1 и об.

в жизни семьи. Здесь решались все главные вопросы, касающиеся данной семьи: женитьба сына или отдача дочери в замужество, продажа скота, получение или выплата выкупа за кровь.

По сообщению М. Ковалевского, культ очага до того был распространен, что каждый двор в году имел определенный день, когда запрещалось снабжать соседа огнем¹⁸³. Этот обычай прослеживается и при сборе полевого этнографического материала. Видимо, такое запрещение было связано с воззрением балкарцев, по которому передача огня чужому двору могла приобщить последнего к культу очага семьи, передавшего огонь. Все, что было связано с очагом, для балкарцев являлось святым. Особенно ценилась цепь («сыжир»). Ни за какие ценности балкарец не соглашался продать цепь и подставки («орауан») для выпечки хлеба. Это считалось несмыслаемым позором для всей фамилии.

Кровная месть ожидала всякого, кто выкидывал цепь из дому, что отмечали многие исследователи. «Если кто осмелится выкинуть цепь из дому,—пишут И. Иванюков и М. Ковалевский,—все равно с целью ли похищения, или нет, его неминуемо ожидает месть всего двора, так как он считается оскорбителем его чести»¹⁸⁴. Такое положение существовало и у осетин.

Ввиду неширокого распространения кровной мести, а также влияния русского законодательства, круг мстителей и ответчиков у балкарцев был ограничен. Все же первоначально за убийство сородича мстили всем родом. Впоследствии, с развитием феодальных отношений, устанавливаются определенные ограничения. В феодальном обществе, где существуют противоположные классы, правом кровной мести пользуются лишь лица одного сословия. Так, при убийстве таубием каракиши или представителя другого сословия, родственники убитых не имели права метить таубию. Таубий ограничивался уплатой компенсации за кровь. Если же каракиши убивал таубия, то ответственность за кровь падала не только на

¹⁸³ См.: М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890, стр. 204.

¹⁸⁴ И. Иванюков, М. Ковалевский, У подошвы Эльбруса. Ж. «Вестник Европы», 1886, вып. II, стр. 557.

убийцу, но и на ближайших родственников. Поэтому убийство таубия было очень редким явлением.

Как видно, кровная месть при феодализме приобретает классовый характер. Балкарские феодалы (таубин) используют институт кровной мести для своих классовых интересов. Беря под покровительство убийцу, они увеличивали число зависимых крестьян и еще больше закрепощали их.

Классовый характер кровной мести проявлялся еще в том, что по обычному праву балкарцев каракиши обязаны были сопровождать своего таубия при его поездках для осуществления кровной мести. Кроме этого, раб, убивший свободного человека, не подвергался кровной мести. Владелец или освобождал его, или же уплачивал вознаграждение родственникам убитого. Итак, кровная месть могла быть только среди представителей одного и того же сословия.

Каков же был круг ответчиков? Как и у карачаевцев, у балкарцев правом кровной мести по адату пользовались все родственники убитого в следующем порядке: брат, сын, затем ближайшие и дальние родственники. Жена убитого могла принять на себя право мщения, если была бездетна. Кровная месть распространялась по адату на убийцу и его ближайших родственников по восходящей, затем по нисходящей линии. Из круга ответчиков женщина исключалась.

Мусульманское право сильно ограничивало круг мстителей и круг ответчиков. По шариату правом мести пользовался только ближайший родственник убитого и месть распространялась только на убийцу. Шариат оказал в этом отношении некоторое влияние на обычное право балкарцев.

При убийстве в родственной среде обычное право балкарцев предусматривало несколько иные виды наказания, чем у соседних горцев Северного Кавказа. Убийства в родственной среде происходили главным образом при разделе наследства. Особенно частым явлением это было среди неродных братьев. При убийстве своей жены муж подвергался кровной мести со стороны ее родственников, хотя бы у нее и были взрослые сыновья. Если брат убивал брата, то мстителем становился как сын убитого, так и третий брат.

В 1860 г. Бекир Джабелов (рожденный от другой матери) на почве раздела наследства убил своего брата Джанибека. Царские власти выслали убийцу в арестантские роты на 4 года. Не удовлетворяясь этим решением, родной брат Джанибека Мурзабек в своем прошении начальнику Кабардинского округа писал: «Я боюсь, чтобы он (убийца — К. А.) не был выпущен из-под ареста по чьему-либо ходатайству, и я против моего желания должен мстить также за смерть брата и при нечаянном столкновении может произойти между нами смертоубийство»¹⁸⁵. По этой причине он просил о ссылке братоубийцы в далекую губернию России, обещая содержать жену и дочь убийцы. Желая ограничить кровную месть, царские власти удовлетворили просьбу Мурзабека. Племянник мстил своему дяде, если тот убивал его отца, даже по истечении 20 лет.

Если один из братьев убивал своего племянника, то мстителем являлся отец убитого, т. е. кровная месть возникала между двумя братьями. Стараясь примирить враждующих, царские власти часто содержали убийцу в тюрьме до тех пор, пока родственники убитого не согласятся на получение выкупа за кровь. Иначе было у осетин — месть в родственной семье не применялась¹⁸⁶. Все же были и у них исключения. В случае принадлежности убийцы и убитого к единокровным братьям, родные братья убитого могли преследовать братоубийцу, а также получить за кровь¹⁸⁷.

Как и у всех горцев Северного Кавказа, у балкарцев жестоко наказывался сыноубийца и отцеубийца. По свидетельству М. Ковалевского осетины, сваны и особенно балкарцы, прекращали всякие сношения с отцеубийцею. Притом убийцу отмечали каким-либо внешним знаком. Где бы убийца ни появлялся благодаря этому знаку он не мог найти крова. А что могло быть страшнее наказания для человека, который изгонялся из своего рода и нигде не мог найти себе приюта. Ему оставалось

¹⁸⁵ ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1418, л. 33.

¹⁸⁶ См.: Н. Ф. Такоева. Кровная месть у осетин в XIX — начале XX в. (до Великой Октябрьской социалистической революции). Диссерт. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1946. Рукопись, стр. 53—55.

¹⁸⁷ См.: С. Каргинев. Кровавая месть у осетин. СМОМПК, вып. 44. Тифлис, 1915, стр. 198.

одно — уйти в абреки. Было время, когда отцеубийцу избивали камнями до смерти. Это наказание долгое время сохранялось у балкарцев и сванов в виде пережитка — на шею отцеубийцы надевалась цепь, составленная из камней¹⁸⁸.

В рассматриваемое время отцеубийца и сыноубийца наказывались иначе. Как и у карачаевцев, у балкарцев никто не мог требовать выкупа с отцеубийцы или сыноубийцы. Но при любых обстоятельствах сын, убивший своего отца, не прощался. Даже при печальном убийстве отцеубийца или сыноубийца изгонялся из общества, при этом его лишали всего имущества и он не мог получить законную долю наследства. Примерно в 1808 г. Огурлы Жабоев поссорился со своим отцом Довлетом¹⁸⁹. В ходе ссоры Довлет погиб, наткнувшись на свой кинжал. Огурлы бежал под покровительство кабардинского феодала Биярисланова. По настоянию последнего состоялось шариятское разбирательство, где Огурлы был признан невиновным и ему выдали часть отцовского имения. Несмотря на это, его братья в течение 30 лет не имели никаких сношений с Огурлы. В 1841 г. братья Огурлы добились нового решения по делу убийства своего отца. Ссылаясь на коран, эфендий дал письменное разрешение братьям Огурлы казнить его или же лишить права наследования отцовского имения. Огурлы был лишен отцовского наследства. Как видно, документы подтверждают литературные данные о мерах наказания сына за убийство отца.

Русские власти часто вмешивались в решения медиаторов. Дело доходило до того, что они отменяли решение медиаторов даже по истечении 20 лет. Так произошло и на этот раз. В своем постановлении от 29 декабря 1859 г. Кабардинский окружной суд предписал вернуть Огурлы наследство, а эфендия Казы, вынесшего в свое время противозаконное постановление, «посмертно предать воле божьей»¹⁹⁰.

До образования участковых судов при убийстве кого-либо, виновность подозреваемого доказывалась пока-

¹⁸⁸ См.: А. М. Ладыженский. Очерки социальной эмбриологии. «Записки Сев.-Кав. краевого Горского НИИ». Ростов н/Д., 1928, стр. 113.

¹⁸⁹ ЦГА КБАССР, ф. 24, оп. 1, л. 160, л. 11.

¹⁹⁰ Там же, л. 15, об.

заниями очевидцев (особенно при убийстве в родственной среде) или признанием самого виновного. В рассматриваемое время многие дела об убийстве решались по русским законам, хотя не исключалась возможность решения уголовных дел по адату или шарнату под председательством пристава балкарских обществ или же начальника Кабардинского округа. Начиная с 50-х годов XIX в. дела об убийствах все чаще и чаще рассматриваются по русскому законодательству. Суд по русским законам имел положительное значение для жизни балкарского народа, так как он способствовал окончательному искоренению кровной мести. В то же время нужно сказать, что этот суд был не всегда последователен в своих решениях, так как он пытался сочетать русские законы с местными адатами, что не всегда получалось удачно.

Следует отметить, что в XIX в. в балкарских обществах кровная месть не имела широкого распространения, как у других горцев Северного Кавказа... «Кровомщение в горах (Балкарии.— К. А.) не принимает таких широких размеров,— пишет Е. Баранов,— какие оно принимало у ингушей, чеченцев и осетин, и его нетрудно предупредить, склонив кровников к примирению»¹⁹¹.

Видимо, в этот период появилась поговорка: «Хоть говорят: клин клином вышибай, ты кровь, балкарец, кровью не смывай». В обычном праве балкарцев уже предусматривалось запрещение кровной мести за нечаянное убийство (исключая убийство в родственной среде), за смерть человека при ударе животным, за убийство малолетним. У осетин же даже в XIX в. во всех этих случаях полагалась кровная месть, тогда как по балкарскому обычному праву за такие убийства полагался только выкуп «цены крови». Как уже было отмечено, шарнат также оказал влияние на институт кровной мести. По корану месть падала всего лишь на убийцу, т. е. существовало равное возмездие — «кисас». Только с разрешения муллы могла осуществляться кровная месть, на что он часто давал письменное разрешение. Нет сомнения, что с присоединением Балкарии к России и введением российского управления в ней институт кровной мести был намного ограничен и в 60-х годах XIX в. мы почти не встречаем примеров кровной мести.

У горцев Северного Кавказа существовало много

¹⁹¹ Газ. «Терек», 1894, № 149.

способов спасения от кровной мести. Если убийца проникал на кухню, где находился очаг, то по обычаю балкарцев он не подвергался кровной мести. У осетин также существовал подобный обычай, при этом преступник обязан был обвинить вокруг талин надочажную цепь, у балкарцев же достаточно было одного прикосновения к сынжыру, и он спасался даже при убийстве кого-либо из этого дома.

Хозяин дома, куда забегал виновный, отыскивая кров, должен был защитить убийцу и не выдавать его преследователям. Все же с 50-х годов XIX в. этот обычай все чаще нарушается таубиями под влиянием русского законодательства. Так, в 1860 г., убив своего брата, Бекир Джабелов искал приюта в кунацкой таубия Исхака Балкарокова. Но последний арестовал Бекира и предал в руки царских властей¹⁹².

Как и у кабардинцев, у балкарцев по обычному праву убийца избегал кровной мести, если успевал прикоснуться губами к груди матери убитого. Бывали случаи, когда род убитого не соглашался на выкуп, пытаясь преследовать убийцу. В такой ситуации убийца крал мальчика из семьи убитого. Воспитав его до совершеннолетия, убийца возвращал мальчика родителям. При этом воспитатель одаривал своего «кап-эмчека» (воспитанного за кровь) богатыми подарками, в число которых обязательно входили лошадь и оружие¹⁹³. В данном случае не могло быть и речи о кровной мести.

Мусульманская мечеть также была убежищем для убийцы. В примирении кровников участвовали все уважаемые старики. Как только происходило убийство, родственники убийцы старались всеми путями скорее похоронить убитого, а родственники убитого медлили, хотя ислам предписывал предать земле тело убитого или умершего в тот же день.

До похорон родственники убитого делали целые набеги на дом и коши убийцы. Захваченная добыча становилась собственностью семьи убитого и в счет «цены крови» не входила¹⁹⁴. Такой же обычай существовал и у

¹⁹² ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, л. 1418, л. 33.

¹⁹³ См.: Н. Грабовский. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе. ССКГ, вып. IV. Тифлис, 1870, стр. 32.

¹⁹⁴ См.: Ф. Н. Леонтович. Алаты кавказских горцев. Одесса, 1882, вып. 1, стр. 284.

осетин. Видимо, первоначально этот обычай служил для еще большего распадения страстей родственников убитого, чтобы они осуществили немедленно месть. В рассматриваемое же время захват добычи приобрел решающее значение, особенно для таубиев. При набеге захватывали не только скот и имущество, но и рабов.

При совершении убийства, виновная сторона всегда старалась кончить дело примирением. Все же следует отметить, что виновная сторона не предпринимала никаких шагов к примирению, если чувствовала слабость родственников убитого, то же самое было при малолетстве законных мстителей. Медиаторы по примирению кровников назначались как с виновной, так и пострадавшей стороны. Пострадавшая сторона перед назначением медиаторов на своем семейном совете (у очага) решала вопрос о получении платы за убийство или же о целесообразности кровной мести. При положительном решении вопроса получения платы за кровь старший в семье давал свое согласие на примирение с убийцей.

Состав медиаторов зависел не только от характера преступления, но и от социальной принадлежности убийцы и убитого.

При убийстве таубия в число медиаторов входило, как правило, не менее 14 человек, иногда бывало и больше. Так, при разбирательстве обстоятельств убийства таубием Магометом Абаевым своего брата, число медиаторов достигало 17 человек, из них — 4 представителя от «черного» народа, 12 таубиев и один сельский мулла¹⁹⁵.

В первую очередь медиаторы брали расписку с тяжущихся, что те безоговорочно подчинятся решению третейского суда. Действительно, решение медиаторов становилось законом для обеих сторон и редко кто нарушал постановление медиаторов. До окончательного решения медиаторов убийца — канлы старался всегда быть предупредительным по отношению к родственникам убитого, уступать всегда им дорогу и не входить в помещение, где они находятся. Вообще родственники убийцы всяческими путями старались избегать родственников убитого, чтобы не было никаких осложнений. Медиаторы обязаны были держать в большой тайне выработанную ими «цену крови» до окончания примирения.

¹⁹⁵ ЦГА КБАССР, ф. 23, оп. 1, д. 2, лл. 1 об., 5.

После примирения кровник обычно делал угощение. Затем он отдавал «цену» за кровь в присутствии одного из медиаторов. Размер выкупа зависел главным образом от социальной принадлежности убитого и обстоятельств убийства.

В системе композиций у балкарцев плата за убийство («цена крови») занимала одно из главных мест. Адаты балкарцев строго регулировали эту компенсацию, и она носила ярко выраженный классовый характер.

Все авторы, писавшие об обычном праве балкарцев, отмечали зависимость «цены крови» от социальной принадлежности убитого. «...Как в германских «правдах», высшее состояние выражается прежде всего в высшем размере «вир» или «композиций», — сообщали В. Миллер и М. Ковалевский, — так точно в среде горцев (балкарцев. — К. А.) убийство и всякое другое правонарушение, направленное против членов княжеского рода, ведет за собою уплату обидчиком пени в 3—4 раза больших против обыкновенных»¹⁹⁶.

В адатах балкарцев, собранных в 1844 г., за кровь старшины (таубия. — К. А.) полагалось 15 штук предметов¹⁹⁷, тогда как «цена крови» каракиши была в 5 раз меньше, чем «цена крови таубия». Еще меньше было возмещение за убийство казака и кула, оно равнялось цене, уплаченной владельцем при их покупке. 15 предметов уголовной пени были условной единицей. По древнему обычаю балкарцев, эта условная единица состояла из 5 крепостных крестьян, 5 штук железных предметов и сенокосной земли¹⁹⁸. Железные вещи должны были состоять из шашек, панцирей и наиболее ценного холодного и огнестрельного оружия. Понятно, что в условиях Балкарии эти предметы являлись редкими, поэтому не всякий мог уплатить «цену крови» таубия, тем более, если убийцей являлось лицо из низшего сословия.

Хотя шариат и уравнивал «цену крови» таубия и каракиши, определив ее в 1500 рублей, компенсация за убийство взималась не по шариату, а по адату, что ограждало интересы таубиев. Бывали случаи, когда за убийство

¹⁹⁶ В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Ж. «Вестник Европы», 1884, стр. 573.

¹⁹⁷ См.: Ф. Н. Леонтович. Указ. соч., стр. 284.

¹⁹⁸ Там же, стр. 274.

таубия уплачивалось 15 холопов, при этом придерживались количества условной единицы, т. е. 15 предметов. Так, при убийстве Мохошем Алиевым таубия Айдаболова, родственники последнего получили за кровь своего сородича 15 рабов¹⁹⁹. По приговору медиаторов убийца мог уплатить вместо 15 рабов скотом, железными вещами и участками земли²⁰⁰.

Высокая «цена крови» таубия и особенно включение в нее наиболее редких и дорогих экземпляров оружия, ограждала жизнь таубия от покушения на нее со стороны представителей другого сословия.

В I половине XIX в. обычное право балкарцев различает не только сословную принадлежность убитого, но и характер убийства. За нечаянное убийство или за прелюбодеяние «цена крови» уменьшалась, как правило, на одну треть. Так, при убийстве таубием Абаевым своего брата медиаторы присудили его к уплате полной «цены крови». Однако Абаев заявил медиаторам, что убил своего брата за «недозволенную связь с женщиной». Учтывая это обстоятельство, медиаторы снизили «цену крови» на одну треть²⁰¹. За убийство женщины как по адату, так и по шариату полагалась половина «цены крови». В 50-х годах при нечаянном убийстве холопом холопа владелец убитого ничего не получал²⁰².

Высокую «цену крови» сам убийца не мог уплатить, поэтому участие родственников в платеже выкупа было обязательным. Естественно, что размер помощи зависел от степени родства. В круг плательщиков входили родственники по восходящей и нисходящей линии, как по отцу, так и по матери.

В связи с тем, что рабы не имели никаких имущественных и юридических прав, за все их действия отвечали владельцы. Плату за кровь раба получал также владелец.

За убийство раба рабом владелец убийцы обязан был внести выкуп или отдать хозяину убитого другого холопа²⁰³. Круг получателей по сравнению с кругом плательщиков «цены крови» был несколько ограничен. Ком-

¹⁹⁹ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959, стр. 35.

²⁰⁰ ЦГА КБАССР, ф. 23, оп. 1, д. 2, л. 1 об.

²⁰¹ Там же.

²⁰² ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, д. 1283, л. 3 и об.

²⁰³ Там же, д. 311, л. 4.

позиция за убийство («къан алгъан») обычно вручалась старшему в семье убитого. Он распределял «цену крови» между наследниками убитого. Как показывают полевые материалы, при отсутствии ближайших родственников у убитого, вознаграждение целиком отдавалось жене убитого. При убийстве же женщины компенсация уплачивалась ее роду.

После уплаты «къаналгъана» род убийцы устраивал пир, т. е. накрывал так называемый «кровный стол» для родственников убитого. Кроме этого, у балкарцев, как и у других горцев Кавказа, существовал ряд обрядов, следовавших после уплаты вознаграждения за убийство. Для того чтобы навсегда положить конец всяким ссорам, род убийцы брал на воспитание малолетнего мальчика из семьи убитого. Года через 2—3 воспитанника («къан-эмчека») возвращали домой с богатыми подарками. Так, за нечаянное убийство сына таубия Суншева, Бокиев помимо уплаты компенсации за убийство взял на воспитание другого сына таубия, которого обязался «возвратить по существующим обычаям с подарками домой»²⁰⁴.

Бывало, что род убитого усыновлял убийцу. Для этого убийца касался губами обнаженной груди матери убитого или же старейшей женщины в этой семье. Иногда род обидчика, помимо вознаграждения за убийство, отдавал роду убитого кого-либо из родственников на воспитание в виде одного из актов примирения.

Практиковалась и отдача девушек семьей убийцы в замужество семье убитого. При этом калым не уплачивался. Все эти обряды таубии выгодно использовали в своих классовых интересах. Существовавший еще со времени родового строя институт взаимопомощи, таубии приспособили для еще большей эксплуатации каракишей. При родовом строе взаимопомощь при уплате «цены крови» была сугубо добровольным делом. В феодальном же обществе таубии превратили ее в обязательную повинность.

Если таубии Шакмановы платили вознаграждение за убийство, то каждый двор каракиши обязан был дать им одного холопа высотой 5 четвертей (одна четверть по балкарскому исчислению составляла длину, равную расстоянию между раздвинутым мизинцем и большим пальцем.— К. А.), в аналогичных случаях и таубий ока-

²⁰⁴ ЦГА КБАССР, ф. 24, оп. 1, л. 317, л. 10.

зывать такую же помощь²⁰⁵. Впоследствии же, перед отменой крепостного права, каждый двор каракиши помогал своему таубию суммой от 250 до 10 рублей за уплату «цены крови». Таубий также помогал эквивалентной суммой при убийстве каракишем кого-либо²⁰⁶.

Из полученной компенсации за убийство каракиши уплачивал своему таубию 250 рублей, иногда вместо денег отдавал холопа или участок земли²⁰⁷. Точно так же поступал и таубий. Казалось бы, никакой выгоды таубий при перечисленных случаях не получал. Но нельзя забывать тот факт, что в зависимости от таубия находился не один двор каракиши, а несколько десятков. Поэтому таубии обогащались в любом случае — и при уплате вознаграждения за убийство, и при получении каракиши «цены крови» за своего родственника.

О классовом характере системы композиций в обычном праве балкарцев говорит не только компенсация за убийство, но и вознаграждение за ранение и увечье. При определении платы за ранение, увечье и оскорбление личности исходной точкой являлась «цена крови», так как она наиболее полно определяла социальное положение балкарца. По обычному праву балкарцев компенсация за ранения и всякого рода увечья взыскивалась строго в соответствии с социальным положением пострадавшего. Так, по адатам балкарцев «за драки, удары и раны обиженный старшина (таубий. — К. А.) за честь получает одну душу крестьянина (имеется в виду крепостной крестьянин. — К. А.), росту шести четвертей»²⁰⁸. При нанесении раны холопами, они наказывались еще больше. Если же таубий наносил рану каракиши, то обиженный получал лишь лошадь, кроме того, виновный делал угощение²⁰⁹. Впоследствии за такое же преступление таубий дарил лошадь или ружье, каракиши же должен был устроить примирительный стол и угостить таубия²¹⁰. Вышеперечисленная компенсация полагалась за рану без повреждения костей.

Размер платы за ранения и увечья зависел не только

²⁰⁵ ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 147 об.

²⁰⁶ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 6, д. 1245, л. 131 об.

²⁰⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 7, оп. 8, л. 38 об.

²⁰⁸ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 285.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1051, л. 16.

от социальной принадлежности пострадавшего, но и от характера и величины раны, особенно учитывалась степень вреда раны, т. е. способность к трудовой деятельности человека после получения раны или тяжкого увечья.

Характер и глубина раны обычно определялась после окончательного выздоровления пострадавшего. Мусульманское право скрупулезно определяло размер компенсации при различного рода ранениях. По утверждению Н. А. Караулова, за лишение ноги полагалась $\frac{1}{2}$, пальца — $\frac{1}{10}$, зуба — $\frac{1}{20}$ «цены крови» пострадавшего²¹¹. По обычному праву особенно высоко оценивалась рана на голове. За удар, нанесенный палкой по голове таубия, вся семья виновного (при условии, что он происходил из зависимого сословия) поступала в рабство к пострадавшему. Так, в 1845 г. «холоп» ударил палкой по голове сына таубия Магомета Шакманова. В ответ на это Шакманов захватил в рабство всю семью виновного, количеством в 27 человек мужского пола²¹².

У кавказских горцев, в частности у балкарцев, за тяжкие увечья: отсечение руки, ноги, или потерю глаза полагалась половина «цены крови» пострадавшего. Помимо этого виновный обязан был заплатить лекарю за лечение раненого.

Как и при убийстве, при нанесении рабом раны или увечья ответственность нес его владелец. За раны, нанесенные рабу, компенсацию за это получал также его владелец. Виновный обязан был ухаживать за раненым, пока тот не выздоравливал окончательно. После уплаты вознаграждения за раны виновный приглашал к себе родственников пострадавшего и делал угощение, так же, как и при окончательном примирении за убийство.

Следует отметить, что по адатам балкарцев уплачивалась компенсация не только за раны, но и за покушение на жизнь человека. Плата за покушение на жизнь человека равнялась $\frac{1}{4}$ «цены крови».

Каракыши всегда и всюду должны были оказывать соответствующее уважение к таубиям. При таубиях или членах его семьи каракыши не имели права затевать ссоры или драки. В противном случае виновный уплачивал

²¹¹ См.: Н. А. Караулов. Основы мусульманского права. СМОМПК. вып. 40. Тифлис, 1909, стр. 90.

²¹² ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, л. 3, л. 36.

штраф размером в 10 руб. серебром, что зафиксировано и в адатах балкарцев²¹³. Из вышесказанного можно сделать вывод, что не только «цена крови», но и компенсация за раны, всякого рода увечья и оскорбления носила классовый характер. Размер компенсации за уголовные преступления точно соответствовал тому положению, которое занимал пострадавший в социальной лестнице балкарского общества.

2. Компенсация за воровство

Возмещение за имущественный ущерб зависело как от характера и вида воровства, так и от социальной принадлежности потерпевшего. Такса оплаты за различные виды воровства показывает, что компенсация за воровство, так же, как и за убийство, носила ярко выраженный сословный характер.

Так, только за одно подозрение в воровстве на дому или коше таубия каракиши штрафовался парюю быков. В 40-е годы XIX в. за кражу у таубия виновный платил ему штраф одного крепостного крестьянина ростом в шесть четвертей²¹⁴, и возмещал стоимость похищенного. При воровстве у каракиши, ясакчи и чагаров таубием последний никакого штрафа не вносил.

Ко времени отмены крепостного права обычное право балкарцев в деталях выработало таксу оплаты всяких видов воровства и грабежа, не упуская из виду сословной принадлежности собственника похищенного имущества. По мере усиления феодальной эксплуатации и крепостного права во много раз возрастает размер штрафа за воровство.

Обычное право балкарцев различало кражу из дому, кунацкой, коша, с поля и т. д. В повинностях каракиши, составленных в 1864 г. представителями таубиев и каракишей, указывается, что за воровство из дому или коша таубия каракишем последний по приговору суда уплачивал стоимость похищенного и штраф²¹⁵. У таубиев Шакмановых за кражу из дому виновный вносил не только стоимость похищенного, но и должен был дать в виде штрафа одного крепостного крестьянина. За одно

²¹³ ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 147.

²¹⁴ См.: Ф. Н. Леонтович, Указ. соч., стр. 284.

²¹⁵ ЦГНА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1051, л. 16.

лишь подозрение в воровстве вещей из дому стоимостью в один рубль таубий Шакманов отобрал у хуламского жителя Кучмезова одну холопку²¹⁶.

Особенно тяжким было наказание за воровство каракишем из женской половины дома таубия. В таких случаях виновный каракиши становился рабом таубия. За воровство из кунадкой или конюшни таубия каракиши уплачивал в виде штрафа одного крепостного мальчика.

В рассматриваемый период основным богатством у балкарцев был скот, поэтому обычное право за воровство скота предусматривало уплату штрафа, превышающего во много раз стоимость похищенного. Так, за одну похищенную из коша таубия голову скота вор обязан был уплатить в качестве штрафа семь голов плюс стоимость похищенного животного²¹⁷. У таубиев же Урусбиевых за такое воровство каракиши уплачивал в виде штрафа крепостного крестьянина, ростом в четыре четверти или же 150 рублей деньгами²¹⁸. Система штрафов применялась при любом виде воровства. Виновный каракиши уплачивал таубию компенсацию в размере шестикратной стоимости украденного, если он был уличен в воровстве с поля таубия. Как видно, обычное право балкарцев всячески ограждало имущество таубия. Об этом свидетельствует и тот факт, что за воровство у аталыка таубия виновный нес такую же ответственность, как и при краже у самого таубия.

Сословный характер компенсации за нанесенный имущественный ущерб особенно проявляется при сравнении размеров возмещения за воровство у таубия и каракиши. Если каракиши уплачивал таубию не только стоимость уворованной вещи, но и штраф, то таубий за такое воровство у каракиши уплачивал ему всего лишь стоимость похищенного. Притом таубий мог вернуть украденную вещь, даже если она была им испорчена. При воровстве у таубиев или каракиши лицами одного и того же сословия, как правило, потерпевший никакого вознаграждения не получал, кроме стоимости украденной вещи.

Обычное право балкарцев приравнивало поджог к

²¹⁶ ЦГА КБАССР, ф. 24, оп. 1, д. 292, л. 1.

²¹⁷ ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 147.

²¹⁸ Архив СОННИИ, ф. 16, оп. 1, д. 9, л. 195.

самому тяжкому воровству. «Уличенным в поджоге, — свидетельствует Н. Грабовский, — остается одно — бежать из общества и тем избавиться от вечного позора»²¹⁹. Действительно, виновный в поджоге не только уплачивал двойную или тройную стоимость сгоревшего имущества, но и лишался всяких прав.

Выше было указано, что адаты балкарцев строго различали место и вид воровства. За кражу в мечети, помимо уплаты стоимости украденного, за святотатство вор отсекали правую руку.

При разборе дела балкарцы придерживались норм адата, претерпевших некоторое влияние мусульманского права. Полностью нормы мусульманского права не привились при разбирательстве дел о воровстве. Это объясняется рядом причин. Во-первых, мусульманское право слишком строго карало за кражу. Так, за воровство в первый раз отсекалась кисть правой руки, во второй раз — стопа левой ноги, за третью кражу — кисть левой руки, за четвертую кражу — стопа правой ноги, за пятую кражу полагалось тюремное наказание²²⁰. Во всех этих случаях вор обязан был возратить стоимость украденных вещей. Во-вторых, при разбирательстве дела муллы допускали произвольное толкование корана, так как редко кто знал арабский язык. В-третьих, таубиям выгодно было сохранять адаты, ибо они служили их классовым интересам в том смысле, что таубии могли устанавливать новые нормы обычного права, защищающие их интересы. Кроме того, шарият во многих случаях приспособлялся к институтам обычного права, узаконивая те нормы местного адата, которые были выгодны феодалам.

По обычному праву балкарцев, дела о воровстве разбирались даже двадцатилетней давности. Например, в 1859 г. таубий Исмаил Урусбиев подал прошение помощнику начальника Кабардинского округа, из которого выясняется, что Теберды Каракушев обвинял Урусбиева в краже 8 лошадей, пропавших более 20 лет назад²²¹. При отсутствии явного доказательства и невозможности раскрытия воровства балкарцы, как осетины и кабардинцы, пользовались услугами нанятого сыщика. Балкарцы на-

²¹⁹ Н. Грабовский. Указ. соч., стр. 67.

²²⁰ См.: Н. Грабовский. Указ. соч., стр. 34.

²²¹ ЦГА КБАССР, ф. 24, оп. 1, д. 121, л. 3.

зывали его доказчиком («айрахчи»). Истец уплачивал доказчику примерно $\frac{1}{3}$ цены похищенного.

Как только обнаруживали предполагаемого вора, медиаторы приступали к окончательному выяснению дела о воровстве и взыскании компенсации за кражу. Главным видом доказательства виновности или невиновности у балкарцев служила присяга. По усмотрению медиаторов присяга («ант») могла быть назначена как истцу, так и ответчику. Присягу балкарцы принимали в кáпищах. Существовал и другой вид присяги — присяга крестом («кач»). При принятии присяги у балкарцев наблюдается много общего с осетинами. В частности, это наблюдается при очистительной присяге по обвинению в краже овец. У осетин обвиняемый, протягивая руку над бараном, клялся в своей невиновности, призывая в свидетели бога зверей Авсати. То же самое делали балкарцы²²². Разница лишь в том, что балкарцы вместо бога зверей Авсати призывали покровителя духа животных Аймыша.

Обычное право балкарцев требовало присяги не только от обвиняемого или истца, но и со стороны ближайших родственников. Число соприсяжников зависело от характера и места воровства и составляло в среднем шесть человек. При подозрении в поджоге требовалось не менее 12 человек соприсяжников. В рассматриваемый период обвиняемый и соприсяжник должны были принадлежать к одному сословию. В противном случае показание одного таубия равнялось показаниям двух каракишей. Чагары, казаки вообще не допускались к соприсяге. Как видно, и в данном случае таубии оказывали активное влияние на решение гражданских дел, что лишний раз подчеркивает их «благородное» и высшее положение по сравнению с другими сословиями. Чаще всего соприсяжники формировались из ближайших родственников по отцу и по матери.

По свидетельству М. Ковалевского, при назначении соприсяжников предпочтение отдавалось дяде по матери, затем племяннику из женской родни (чаще сыну сестры), за ним следовали братья²²³. При этом выступали не только родные братья, но и молочные. Предпочтение иметь соприсяжниками родственников по женской линии,

²²² См.: И. Иванюков, М. Ковалевский. Указ соч., стр. 107.

²²³ См.: М. Ковалевский. Указ, соч., стр. 195.

видимо, можно объяснить пережитками матриархата у балкарцев.

Несмотря на то, что предпочтенье при выборе со-присяжников отдавалось родственникам по женской линии, по обычаям балкарцев сама женщина к присяге не допускалась. В необходимых случаях обычай, под влиянием шариата, разрешал женщинам присягать, но и тогда показания двух женщин равнялись показанию одного мужчины. В состав соприсяжников входил и один таубий. Соприсяжники могли быть назначены не только медиаторами, но и одной из тяжущихся сторон. Чаще всего соприсяжники требовались обвиняемому. Бывали случаи, что соприсяжниками при оправдании обвиняемого выступали не только его родственники, но и совсем посторонние лица (при согласии истца), но они не могли быть родственниками истца ²²⁴.

По собранным полевым этнографическим материалам выясняются интересные детали при соприсяге, которые неизвестны ни по документальным, ни по литературным данным. При разборе дела о воровстве родственники-соприсяжники приводили своих детей и сажали их рядом с медиаторами. В конце клятвы соприсяжник указывал на своих детей и призывал бога обрушить всяческие беды на них, если он дал ложную клятву. При этом он три раза целовал коран со словами «аминь». Несмотря ни на какие «кары божьи» соприсяжники часто принимали ложную клятву. В таком случае сразу же после окончания судебного разбирательства соприсяжник заходил в какой-нибудь дом. Этим он рассчитывал предполагаемые беды оставить в том доме, куда зашел. По возвращении же домой соприсяжник делал «кърмавлык», т. е. резал барана и молился богу, прося «спясть» с него ложную клятву. Если соприсяжник отказывался давать показания в пользу обвиняемого, то медиаторы уже не сомневались, что перед ними вор и присуждали его к уплате компенсации за похищенное. При уплате возмещения за украденную вещь виновному помогали все родственники. Размер помощи зависел от степени родства.

Если не могли точно выяснить личность вора, то компенсацию платил весь аул, куда вели следы воровства. Это случалось чаще всего при краже скота, особенно лошадей. Трудно сказать, налагали ли на вора в рассмат-

²²⁴ ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, д. 1329, л. 3 и об.

риваемый период какое-либо наказание, кроме уплаты компенсации за похищенную вещь. Судя по полевым этнографическим материалам, во второй половине XIX в., кроме возмещения ущерба, вор нес и другое, не менее тяжкое наказание: его привязывали на определенное время к «позорному камню». Проходящие мимо всячески стыдили преступника. В настоящее время еще живы лица, которые за воровство одной козы не только уплатили по две козы, но и были привязаны на несколько часов к «позорному камню»²²⁵.

Итак, вышеизложенное показывает, что система композиций у балкарцев во всех вопросах защищала привилегированное положение таубиев. Защита личности таубиев проявлялась в системе уплаты «цены крови», а охрана его имущественных прав — в системе штрафов за всякого рода воровства.

Глава III

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО БАЛКАРЦЕВ

Краткая характеристика большой и малой семьи

Для уяснения брачного и наследственного права балкарцев необходимо кратко охарактеризовать большую и малую семью.

Большая патриархальная семья как общественная форма была характерна для балкарцев, как и для всех народов Кавказа, на определенном этапе их исторического развития. В рассматриваемое время семейная община у балкарцев сохранялась в пережиточном состоянии.

О существовании пережиточной формы семейной общины у балкарцев указывали в свое время М. Ковалевский и Б. Ланге. К сожалению, сведения у них невелики. Собранные полевые этнографические материалы показывают, что семейная община в Балкарии сохранялась довольно-таки прочно на протяжении всего XIX в. Некоторые большие патриархальные семьи распались только при советской власти. Длительному сохранению пережитков семейной общины у балкарцев способствовали такие факторы, как господство полунатурального хозяйства и специфическая форма скотоводства. Кроме этого, в XIX в. большие семьи у крестьян стали податной и тяг-

²²⁵ См.: Полевой этнографический материал, собранный в с. Бабугент Советского района КБАССР летом 1964 г.

ловой единицей, поэтому балкарские феодалы стремились к их сохранению и препятствовали их разделу.

Как правило, семейная община объединяла в себе близких родственников как по нисходящей, так и боковой линии. Чаще всего семья состояла из родителей (отец, мать, прадед, прабабушка, дед, бабушка), детей (женатых и неженатых сыновей, дочерей незамужних или овдовевших), внуков и внучек.

Судя по литературным и полевым этнографическим данным, большие семьи насчитывали в среднем от 25 до 40 человек. Бывали семьи, объединявшие в себе более 50 человек. По данным И. Иванюкова и М. Ковалевского, во II половине XIX в. в Хуламе имелась семья, насчитывавшая 183 человека²²⁶.

Семейная община у балкарцев обозначалась общим термином «уллу юй» («большой дом»). Отдельные же большие семьи получали наименование собственного имени общего предка данной семьи. В большинстве случаев этот предок являлся главой семьи. Чаще всего для обозначения семейной общины употреблялись термины «бир отджагъа» («один очаг»), «бир отджагъагъа къарагъан» («смотрящие на один очаг»), «бир къазанга къарагъан» («смотрящие на один котел»), «бир атаулуюй» («один большой отцовский дом, семья»). Эти термины выражали неразделимость братьев, живущих совместно и имеющих один очаг. Встречавшиеся собственные наименования отдельных больших семей указывали на их родовой характер.

Главными признаками большой семьи как общественной формы являются общинно-семейная собственность, коллективное производство и потребление, демократическая или деспотическая власть главы семьи. В коллективной собственности большой семьи находились земля, крупный и мелкий рогатый скот, продовольственные запасы, жилые и хозяйственные постройки. Коллективная форма собственности отличала большую семью от малой, т. е. один из главных признаков большой семьи — форма собственности. В личной собственности каждого члена большой семьи находилась одежда, оружие, домашняя посуда. Кроме этого, женщины имели имущество, которое безраздельно принадлежало им.

²²⁶ См.: И. Иванюков и М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса. Ж. «Вестник Европы». М., 1886, I—II, стр. 553.

Во главе семейной общины стоял мужчина, старший по возрасту — прадед, дед, отец. В некоторых случаях семейную общину возглавляла одна из старших женщин, но это бывало редко — чаще всего после смерти мужа. Глава семьи направлял всю жизнь и деятельность большой семьи. Он заботился об увеличении поголовья скота, договаривался об условиях формирования отар во время летнего выпаса. Глава семьи строго следил, чтобы все заработанное на стороне членами семьи вносилось в общую кассу. Он распределял работы между мужчинами. Вообще глава семьи являлся официальным представителем на сходах, в суде и т. д. Как свидетельствует полевой материал, личная и имущественная власть главы семьи была огромна. Он мог женить сына или отдать дочь замуж, не спрашивая никого, иногда его власть распространялась и на племянников. Он мог лишить наследства не подчинявшегося ему члена семьи.

Несмотря на то, что земля, скот, орудия труда, жилище и хозяйственные постройки считались коллективной собственностью большой семьи, глава семьи мог распоряжаться этим имуществом по своему усмотрению.

Когда же во главе большой семьи стоял старший сын, то его власть не распространялась так далеко, как власть отца. В данном случае глава семьи уже не мог повелевать распоряжаться имуществом семейной общины. Теперь глава семьи при решении каких-либо важных вопросов обязательно советовался со своими братьями. При нежелании жить совместно, каждый из братьев мог потребовать раздела или же выдела. При жизни же отца ни один из сыновей не мог думать об этом, так как этот вопрос решался главой семьи.

Внутреннее руководство семейной общины падало на старшую женщину в семье «юй бийче». Обычно юй бийче являлась женой главы семьи. Но бывало и так, что глава семьи умирал и его место занимал брат, а юй бийче оставалась прежняя. После смерти юй бийче хозяйством заведовала жена старшего в доме мужчины. Юй бийче строго следила за поведением всей женской половины, особенно молодых невесток и девушек, женщины большой семьи беспрекословно подчинялись ей. Ее власть была не менее деспотичной, чем власть главы семьи. Юй бийче ведала всем домашним хозяйством, она же распределяла все женские работы. В распоряжении юй бий-

че были продовольственные запасы. Никто из членов семьи, в том числе ее глава, не мог без разрешения юй бийче войти в «гозэне» (помещение, где хранились продовольственные запасы). Даже в случае приезда гостя новость без ведома юй бийче не могли приготовить обед.

С проникновением частной собственности в жизнь семейной общины, она приходит к перерождению и наконец к упадку. Дореволюционные исследователи не могли выяснить истинные причины распада большой семьи. В качестве причин они выдвигали ссоры женщин, индивидуализм отдельных членов семей. И в настоящее время при расспросах информатов о причинах распада большой семьи, они дают аналогичный ответ. Истинные причины распада семьи определил советский исследователь М. О. Косвен. Он пишет: «Не ссоры женщин, не индивидуализм, а общий процесс экономического развития и победа частной собственности лежат в основании как разделов, так и окончательного распада семейной общины как исторической формы»²²⁷.

Первоначально существовал принцип: «дети без отцов не делится». Естественно, при таком правиле семейная община сегментировалась на такие же большие семьи, которые состояли в среднем из трех поколений родственников. Вновь образованные большие семьи размещались на усадьбе первоначальной семейной общины, где по мере надобности строили новые жилые и хозяйственные постройки. Следует отметить, что некоторые виды имущества после раздела между братьями оставались в коллективной собственности. Чаще всего в общей собственности оставались помещения для скота, мельницы, каналы. Все это способствовало сохранению некоторого хозяйственного единства между родственниками.

В Балкарии до сих пор сохранились названия отдельных кварталов села по фамилии главы большой семьи. Это лишний раз подтверждает то, что при сегментации отдельных семейных общин образовалась социальная организация, имеющая некоторое хозяйственное, общественное и идеологическое единство. Такая социальная организация в этнографической литературе носит название

²²⁷ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 82.

патронимии²²⁸. В Черекском ущелье существовали патронимические поселки Темукеевых, Глашевых и т. д.

В последующее время, особенно во II половине XIX в., раздел большой семьи происходит по другому принципу. К этому времени большие семьи держались главным образом на авторитете и деспотической власти отца. После смерти отца — главы семьи, семейная община распалась быстро. Теперь уже образовывались малые семьи.

Малые семьи в балкарском обществе, особенно в XIX в., занимают господствующее положение. Несмотря на то, что малые семьи экономически обособились, они не везде выделялись из усадьбы большой семьи. Одним словом, малые семьи поддерживали некоторые экономические, общественные и идеологические связи не только между собой, но и с той семьей, из которой они выделились. Большие семьи, как правило, являлись зажиточными. Выделившиеся малые семьи в экономическом отношении были слабыми. Как свидетельствует полевой материал, малая семья у балкарцев насчитывала в своем составе 7—10 человек. Чаще всего семья состояла из двух поколений, иногда же встречались семьи, состоявшие из трех поколений.

Хотя мусульманская религия и допускала многоженство, но адаты балкарцев строго запрещали этот порядок. Поэтому малая балкарская семья была моногамной. Те порядки, которые сложились в большой патриархальной семье, фактически сохранились и в малых. Здесь тоже наблюдается строгое разделение труда между мужчинами и женщинами. Главное занятие мужчин было скотоводство. Весь уход за скотом, обработка молочных продуктов, стрижка овец целиком и полностью лежали на обязанности мужчин. Кроме того, мужчины занимались земледелием и торговлей. Женщины выполняли все домашние работы. Они кормили, одевали и обували семью. Обязанностью женщин было молоть зерно. Хотя во II половине XIX в. в балкарскую деревню начали проникать фабричные изделия, все же основная доля одежды изготовлялась женщинами. Положение женщин в малой семье было несколько лучше, чем в большой. В малой семье женщина была более свободна, она являлась фак-

²²⁸ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 32—42.

тически полновластной хозяйкой своего дома. В большой семье она испытывала много ограничений и запретов, должна была беспрекословно подчиняться юй бийче и главе семьи.

Условия и формы заключения брака у балкарцев

В I половине XIX в. брак у балкарцев был моногамным и экзогамным. Как и у многих народов Кавказа, у балкарцев до сих пор сохраняется фамильная экзогамия. Даже при очень большой трудности установления однофамильности, брак между лицами одной фамилии категорически запрещался и запрещается. Такой экзогамный запрет действовал как по отцовской, так и по материнской линии. Притом по обычному праву балкарцев этот запрет распространялся на родственников вплоть до седьмого поколения включительно, тогда как по шариату брачные ограничения доходили лишь до третьего поколения²²⁹. В данном случае балкарцы не придерживались установлений шариата. Кроме кровного родства, существовали и другие виды родства, при которых брак был также запрещен. Балкарцы строго соблюдали молочное родство. Достаточно было балкарке один раз дать грудь ребенку, как между фамилией женщины и фамилией ребенка устанавливались родственные отношения. Брак между представителями этих фамилий был невозможен. О том, насколько балкарцы придерживались молочного родства, свидетельствует пословица: «Молоко идет так же далеко, как и кровь», что означает: «молочное родство соблюдается в той же степени как и кровное». Категорически запрещался брак между лицами из семьи аталыка и емчека, так как между этими семьями возникали тесные родственные отношения. Такие же родственные отношения возникали между семьей «болуш юйя» и семьей жениха.

Были и другие брачные ограничения, в частности, между семьей «аначи»* и семьей новорожденного ребенка. Брак между этими семьями запрещался в той же степени, что и между кровными родственниками, т. е. до седьмого поколения включительно. Выше было указано,

²²⁹ Корая. М., 1963, стр. 72, сура 4, ст. 27.

* Аначи (заменяющая мать) — женщина, перерезавшая пуповину ребенка.

что при примирении кровников у балкарцев существовал обычай: после уплаты выкупа за кровь («къан алгъан»), в род потерпевшего передавался малолетний ребенок из семьи убийцы. Этот ребенок («къан эмчек») обычно воспитывался в новой семье около трех лет. После этого он возвращался в свой дом с богатыми подарками. Къан эмчек оказывал необходимую помощь воспитавшей его семье. Во всех мероприятиях этой семьи — при свадьбе, похоронах, кровной мести он принимал самое активное участие как член данной семьи. В случае необходимости он нес и материальные затраты. Были случаи, когда, наоборот, семья убийцы брала на воспитание ребенка из рода пострадавшего, и здесь устанавливались такие же родственные отношения, что и в первом случае.

Естественно, брачные отношения между членами семьи къан эмчека и семьи воспитателя были запрещены. О строгости экзогамии говорит и то, что балкарцы до сих пор придерживаются запрета вступления в брак с соседями, хотя они и не являются родственниками. К аталыку приравнивался человек, снявший покрывало с невесты, браки же между членами семей новобрачных и аталыка не допускались. Браки были запрещены и между лицами из семьи новобрачных и семьи доверенного жениха, который вез невесту. Разное вероисповедание также служило серьезным препятствием для заключения брака, хотя табуи и нарушали это ограничение ради своих экономических и политических целей. В I половине XIX в. большим препятствием для вступления в брак было сословное неравенство. Особенно рьяно за «чистоту» сословия стояли табуи²³⁰.

Балкарцы исповедовали мусульманскую религию сунитского толка, поэтому у них существовала одна форма заключения брака, т. е. они вступали в постоянный брак с обязательной регистрацией у муллы при свидетелях и с соблюдением всех обрядов. В брачном договоре, составленном муллой, указывался размер приданого и калыма. Размер уплачиваемого калыма зависел не только от состоятельности жениха, а главным образом — от сословной принадлежности новобрачных. В конце XVIII в. табуи платили за невесту 800 рублей серебром. Калым

²³⁰ См.: В. Н. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, стр. 246.

у каракишей равнялся 300 руб. серебром. Кулы за калым отдавали большей частью скотом. Калым за девушку из сословия кулсв состоял из 4 быков, 2 коров, 2 телок, одного ружья, медного котла, одной лошади и сабли²³¹.

К середине XIX в. размер калыма становится более или менее постоянным. У таубиев калым должен был составлять от 800 до 1500 руб. серебром. Таубии же Урусбиевы, Суншевы, Шакмановы платили за девушку не менее 1500 руб., у Айдеболовых, Абиевых, Мисаковых калым обычно не превышал 1000 рублей. Каракиши платили калым за девушку в 5 раз меньше, чем таубии. В Карачае для высших сословий размеры калыма были такими же, как и в Балкарии.

В начале XIX в. калым у балкарцев выражался в предметах, которые имели наибольшую ценность. Так, в адатах балкарцев указано: «По древнему обычаю калым (у таубиев. — К. А.) заключался в 15 предметах: 5 крестьян, 5 штук железных вещей и на 5 остальных предметов — сенскосная зе ля. цена которой одна служанка, 2 быка и 2 лошади»²³². В состав железных вещей входили шашки, панцири, ружья, сабли, котлы. Эти предметы очень дорого ценились в Балкарии, поэтому в прежние времена они составляли неотъемлемую часть калыма. К середине XIX в. железные вещи стали исчезать из состава калыма. Все же ружья и шашки еще отдавались в счет калыма. В составе калыма в это время денежный взнос приобретает все большее значение. Одним словом, в I половине XIX в. балкарцы в счет калыма отдавали деньги, скот, лошадей и землю, как покосную, так и пахотную. При этом владелец земли оставлял за собой право вернуть землю назад, уплатив определенную сумму за эту землю в счет калыма.

При рассмотрении круга плательщиков и круга получателей калыма нужно учитывать, к какому сословию принадлежали новобрачные. Зависимые сословия обязаны были помогать таубию при его женитьбе. Как только таубий объявлял о своем обручении, каждый двор каракиши должен был в счет калыма отдать одну корову. такую же помощь оказывали ясакчи и чагары. При же-

²³¹ См.: Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. вып. I, стр. 275.

²³² См.: Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 274.

нитьбе каракиши таубий делал незначительный подарок, весь условленный калым платил сам каракиши. Чагары не в состоянии были сами внести плату за калым. В сборе калыма им помогали владельцы. Если чагар сам платил калым за жену, то он мог свободно развестись с нею, не спрашивая разрешения у своего владельца. В случае уплаты калыма за жену чагара владельцем, без ведома своего господина чагар не мог с ней развестись. В связи с тем, что казаки и карауши были безобрядными холопами, их семейная жизнь полностью зависела от воли владельца.

В рассматриваемое время калым полностью шел в пользу родителей невесты, а точнее главе семьи, который распоряжался им по своему усмотрению. Калым могли получить только мужчины. Если у девушки не было ни отца, ни братьев, то калым доставался ближайшему родственнику девушки — мужчине или же ее опекуну — воспитателю. Весь калым, полученный за свою дочь, таубий оставлял себе. По-другому обстояло дело при выдаче дочерей замуж зависимыми сословиями. Начиная с каракишей и кончая чагарами, зависимые сословия отдавали в пользу таубиев часть калыма. Каракиши обязан был выделить из полученного за дочь калыма в пользу таубия две головы скота. Эту повинность каракиши несли еще в начале XIX в., и сохранилась она вплоть до отмены крепостного права. Чагары в свою очередь также отдавали из калыма своему владельцу три скотины. В прежнее же время, т. е. в XVIII в., чагары отдавали всю плату за калым владельцу, оставляя себе лишь ничтожную часть. Даже ясакчи не был избавлен от уплаты таубию какой-то доли из калыма, полученного при замужестве свей дочери. Как видно, таубии приспособили родовой обычай взаимопомощи и превратили ее в обязательную повинность, которую должны были нести зависимые сословия в пользу своих владельцев.

У балкарцев, как и у многих народов Северного Кавказа, внесение калыма за девушку существовало вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Плата за невесту шла с незапамятных времен. При выдаче девушки замуж, ее род терпел определенный материальный ущерб, теряя в ее лице рабочую силу. Поэтому роду невесты род жениха отдавал материальное вознаграждение в виде калыма.

Как выше было показано, первоначально калым выражался в ценных предметах. С появлением денежных отношений часть калыма составлял денежный взнос. В Балкарии основным занятием населения было скотоводство, кроме того, скот имел значение денежной единицы, поэтому в большинстве случаев за калым отдавали крупный рогатый скот и лошадей.

В процессе исторического развития калым трансформировался и превратил брак в акт продажи и купли невесты. Живучесть калыма в Балкарии вплоть до Октябрьской революции объясняется не только консервативностью этого обычая, но и низким уровнем социально-экономического развития балкарских обществ.

В свадебных обрядах балкарцев вплоть до конца XIX в. существовали пережитки родового быта. При крайне низком развитии производительных сил в первобытнообщинном строе, род невесты с уходом женщины в чужой род нес значительный материальный ущерб. Поэтому род невесты всячески препятствовал потере рабочей силы в лице женщины и отпускал ее лишь при получении значительного выкупа. К XIX в. этот обычай сохранился лишь в пережиточном состоянии, о чем свидетельствуют всевозможные препятствия, создаваемые на пути следования балкарского свадебного поезда, конная джигитовка с отбиванием шапок и «знамени».

В I половине XIX в. невеста из сословия таубиев никогда не помещалась в доме жениха. Ее помещали в семье друга жениха, который впоследствии становился его родственником. Невеста из простого сословия также находилась в чужом доме, но ее могли поместить и в специальную комнату в доме жениха. По некоторым сведениям, невесту помещали в дом родственника жениха, чаще всего у материнских родственников. В «другом доме» невеста находилась от нескольких недель до 3—4 месяцев. Обычай помещения невесты в чужом доме был распространенным явлением в этнографии народов Кавказа. Многие авторы склонны были видеть в этом обычае пережитки гетеризма²³³.

Правильное объяснение этому обычаю дал М. О. Косвен, который отмечает: «Порядки эти составляют одну из форм перехода к патриархальному брачному поселе-

²³³ См.: Ф. И. Леонтович. Указ. соч., т. 1, стр. 371.

нию. Но сам этот переход является одним из проявлений перехода от матриархата к патриархату»²³⁴.

В свою очередь жених в день приезда невесты уходил из своего дома и жил в чужом доме. Если он ездил за невестой, то не участвовал в свадебной процессии. В свое селение он въезжал ночью, притом тайком. Молодожен жил в другом доме не только во время свадьбы, но мог остаться там целый год. Этот дом назывался «болуш юйя», как и дом, где первоначально помещалась невеста. Хозяин болуш юйя становился родственником молодого супруга. В период своего «заключения» жених не мог появляться на улице, он считался «нечистым», и по обычаю к нему нельзя было даже прикоснуться. Уход жениха из своего дома, как и помещение невесты в чужую семью, был характерен не только для балкарцев, но и для карачаевцев, кабардинцев и других народов Северного Кавказа.

По мнению М. О. Косвена, уходу жениха из своего дома в момент приезда невесты способствовала «традиция дислокального поселения супругов, а отсюда невозможность поместиться жениху вместе с невестой». Следует отметить, что к XIX в. обычай поселения жениха и невесты в «чужом доме» потерял свое первоначальное значение. Первоначально невеста и жених помещались у дядей по материнской линии, затем дяди сменяются родственниками, приятелями, соседями. Одним словом, происходит замещение одного персонажа другим. В рассматриваемое время этот обычай феодализируется, т. е. хозяином болуш юйя становится лицо из зависимого состояния, что нашло отражение в адатах балкарцев.

По истечении некоторого времени, обычно одного года после свадьбы, молодая жена уезжала к своим родственникам. За ней приезжали ее родственницы, предпочтительно по материнской линии. Со стороны мужа молодую сопровождала какая-либо женщина — дигиза, пользующаяся доверием семьи мужа. «Возвращение женщины домой» происходило и перед рождением ребенка, который должен был появиться на свет обязательно в доме родителей молодой женщины. В первой половине XIX в. молодая в своем доме жила не менее одного го-

²³⁴ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 67.

да, бывало, что она жила и два года. Полевой материал свидетельствует, что в конце XIX в. обычай «возвращения домой» среди балкарцев наблюдается повсеместно, но сроки «сидения» молодой дома сокращались до нескольких месяцев ²³⁵. Обычай «возвращения домой» был широко распространен среди народов Северного Кавказа в той или иной форме. Этот обычай есть пережиток матрилокального поселения и отражает переход от матрилокального поселения к патрилокальному. Замужняя женщина еще принадлежала своему роду, она не порывала связи с ним и обычай «возвращения домой» является пережитком этого явления.

Самое верное истолкование этого обычая дает М. О. Косвен. «Возвращение домой, — пишет он, — порядок, выражающий материнско-правовое начало... На стадии перехода от матриархата к патриархату, с переходом к патрилокальному поселению, дети продолжают принадлежать к своему материнскому роду. Этот принцип выражается и осуществляется тем, что женщина рожает в своем родном доме, на территории своего рода» ²³⁶. Молодая женщина приезжала к мужу, уже имея ребенка.

Воспитание детей

По обычаям балкарцев родители не уделяли почти никакого внимания воспитанию детей. Зато дед и бабушка с удовольствием нянчили внуков и внучек. До 6 лет девочки и мальчики воспитывались главным образом дедом и бабушкой. С 7 лет руководство по воспитанию мальчика брали на себя отец и дед, а девочки — мать и бабушка. Главное место в воспитании детей занимало трудовое воспитание — мальчиков обучали верховой езде, умению владеть оружием, приучали их к полевым работам. В трудовом воспитании мальчиков исключительное место занимало обучение их умелому ведению скотоводства.

Обычно с 8 лет мальчики находились на кошах, где старшие обучали их правильному подбору мест для

²³⁵ Полевой материал, собранный в с. Верхняя Балкария и в с. Бабугент летом 1964 г.

²³⁶ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 90.

пастибищ. Благодаря опытным чабанам дети очень рано могли распознавать овец, что было важно при окоте, так как без этого многие ягнята погибали, не находя своих матерей в отаре. Мальчики легко могли отличать ядовитую траву от полезной. На кошах они учились перерабатывать продукты животноводства, изготавливать шпрок мяса, делать сыры и т. д.

Известно, что в I половине XIX в. фабричные изделия, проникающие в быт балкарцев, далеко не удовлетворяли их, поэтому необходимы были домашние промыслы. В домашних промыслах женщины занимали ведущее положение. Девочек сперва заставляли выполнять небольшие поручения, затем приучали их к ведению домашнего хозяйства. В 7—8 лет девочка очень умело сортировала шерсть, носила воду, убирала комнаты, умела вышивать простые и несложные узоры. В 12 лет девочка наравне со взрослыми женщинами могла ткать сукно, шить обувь. Одним словом, девочка к этому времени полностью приучалась к самостоятельному ведению хозяйства. И это не удивительно, если учесть тот факт, что балкарская девушка в 13—14 лет объявлялась совершеннолетней и могла быть выдана замуж.

С самого раннего детства в детях воспитывалось уважение к старшим, любовь к своему народу. В этом отношении большую роль играло устное народное творчество: легенды, песни, сказки, предания. Воспитанию волевого характера, патриотизма способствовали исторические песни, песни о смелых людях, защищавших интересы трудового народа.

Несколько иначе обстояло дело воспитания детей у таубиев. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции у них сохранялся институт аталычества, т. е. отдача детей на воспитание в чужую семью. Институт аталычества был известен кабардинцам, осетинам, абхазам. Таубии отдавали своего ребенка на воспитание в семьи каракишей, чагаров, реже в семьи своего же сословия. Очень мало данных, говорящих о сохранении аталычества среди каракишей. Все же отдельные отрывочные известия об этом имеются, что подтверждается обычным правом балкарцев.

Вначале аталычество было распространено повсеместно у всех сословий, и детей отдавали на воспитание в семьи своего же сословия. Впоследствии же аталыче-

ство приобретает сословный характер и дольше всех сохраняется у представителей высшего сословия и наиболее зажиточной части крестьянства. Существование аталычества зафиксировано и в адатах балкарцев: «...Старшины (таубии. — К. А.), каракиши не воспитывают детей сами, а отдают их аталыку или кормилице»²³⁷.

Балкарские таубии не только отдавали своих детей на воспитание семье каракишей, но и сами являлись аталыками кабардинских князей. Даже некоторые балкарские крестьяне были аталыками кабардинских князей. Так, Геккиевы являлись аталыками князей Атажукиных, за что последние подарили Геккиевым участок земли под названием «Хыцау»²³⁸. Если не удавалось получить на воспитание ребенка добровольно, то его похищали и на другой день похититель объявлял себя аталыком. На воспитание ребенка отдавали сразу же после рождения. Часто отец будущего ребенка tirаннее подыскивал аталыка. Найти аталыка для ребенка таубия не составляло никакого труда, так как желающих было более чем достаточно. Передача ребенка на воспитание в чужую семью обставлялась со всей торжественностью и пышностью. Собирались гости и начинался пир, где обязательно присутствовал музыкант. За ребенком прибывал аталык в сопровождении своих родственников, иногда с аталыком приходила и его жена. Собирались не только родственники, но и соседи новорожденного. Всех приезжающих за ребенком семья новорожденного богато одаривала. А музыканту, игравшему на этом пире, вручали лошадь²³⁹.

Воспитатель ребенка назывался «аталыком», а воспитанник — «эмчек». Если у аталыка были свои дети, то они становились молочными братьями и сестрами по отношению к воспитаннику. Все вместе они также назывались «эмчеками». С момента отдачи сына на воспитание до самого возвращения домой родители не видели его. При случайных встречах отец и мать по обычаю делали вид, что не узнают своего ребенка. Запрет видеть ребенка распространялся и на дочь. В доме аталыка эмчек воспитывался даже тщательнее, чем у себя дома.

²³⁷ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 282.

²³⁸ Полевой материал, собранный в Баксанском ущелье, 1964 г.

²³⁹ См.: Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 282.

По сообщению информаторов, за ним всегда был особый уход, его одевали и кормили лучше своих детей. Мальчика приучали к верховой езде, джигитовке. Учили умению владеть огнестрельным и холодным оружием, делать смелые набеги и отбивать табуны лошадей. Воспитанием мальчика занимался непосредственно сам аталык и его старшие сыновья. Как только эмчек был в состоянии носить оружие, он совершал набеги вместе с аталыком и своими молочными братьями для угона табуна лошадей не только в пределах Балкарии, но и из Осетии и Кабарды. Эти ночные набеги воспитывали в эмчке смелость и удалство, а по понятиям таубиев самым высшим удалством считалось отбить и пригнать табуны лошадей.

Девочку обучали хорошим манерам, игре на музыкальных инструментах, танцам, пению, верховой езде, вышиванию.

Срок воспитания эмчека заканчивался с его совершеннолетием. Совершеннолетие девочки наступало в возрасте 13—14 лет, а юноши в 17—18 лет. По литературным данным, в конце XIX в. эмчека воспитывали до 7 лет. Это говорит о том, что аталычество уже теряло свое первоначальное значение. Как только кончался срок воспитания, аталык одевал своего воспитанника с ног до головы во все лучшее, снаряжал коня и отдавал воспитаннику целый набор оружия. Воспитанника сопровождали аталык и кормилица. Они везли с собой подарки родителям воспитанника. Возвращение воспитанника обставлялось множеством обрядов и церемоний, которые кончались большим пиром и танцами, в веселье участвовала вся родня приехавшего воспитанника. Отец воспитанника вручал аталыку щедрые подарки, кроме того, аталык получал подарки и от других родственников воспитанника. Воспитанник одаривал своих молочных братьев скотом, участками земель. «Молодой князь, — писали В. Миллер и М. Ковалевский, — считал своею обязанностью наделить семью своих молочных братьев землею в пожизненное владение, взамен чего последние принимали обязательства производить в его пользу ежегодные платежи» ²⁴⁰.

²⁴⁰ В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. Ж. «Вестник Европы», 1884, № 4, стр. 571.

В I половине XIX в. аталычество уже представляло феодальный институт, хотя сохраняло черты еще родового быта. Оно существовало преимущественно у таубиев. Дети уже не отдаются на воспитание в своей среде, высшие сословия отдают низшим. В данном случае таубий вполне уверен, что его ребенок будет воспитан на должном уровне и возвращен. Отдавая детей на воспитание, таубии одаривали аталыка ценными подарками, в частности землею, за что семья аталыка несла различные повинности, известные под именем «эмчекской подати». У других народов эмчекскую подать семья аталыка платила лишь пожизненно, по наследству она не передавалась. У балкарцев же эмчекские отношения переходили по наследству и аннулировались после возвращения таубию подаренной земли.

Семья аталыка также получала выгоды от воспитания таубия. Она преследовала не только материальные выгоды, но в лице таубия получала особое покровительство, феодал всегда мог защитить ее от притеснений другой фамилии. Поэтому любая семья соглашалась взять на воспитание ребенка.

Долгое сохранение аталычества среди феодалов объясняется не только консервативностью феодальной среды, но и тем, что там существовали отношения зависимости, которые и составили новое содержание аталычества. В крестьянской семье аталычество исчезло раньше, ибо в ней не было тех условий, которые существовали в феодальной среде.

Правильное объяснение институту аталычества дал советский ученый-этнограф М. О. Косвен, который использовал для этой цели не только кавказский, но и этнографический материал по многим народам Скандинавии. Истоки аталычества уходят в эпоху перехода от матриархата к патриархату. Хотя матрилокальный брак сменяется патрилокальным, но материнско-правовое начало держится крепко, в силу чего дети принадлежат еще роду матери, а не роду отца. «Поэтому дети рано или поздно уходят от своих родителей в свой материнский род. Главой рода, равно как и главой семьи на этом переходном этапе является мужчина — дядя или брат (родной или коллатеральный) матери»²⁴¹. С усилен-

²⁴¹ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 119.

нием и окончательным упрочением патриархата дети уже отдаются на воспитание в чужие семьи. Сохраняется форма, т. е. дети уходят в чужой род. Детей принимала любая семья, так как она сама отдавала своих детей на воспитание. В прошлом аталычество практиковалось только в своей сословной среде. Раньше дети вообще не возвращались к своим родителям. С течением времени устанавливается срок воспитания детей. Возвращение ребенка в род отца составляет важную победу патриархального начала²⁴².

Впоследствии аталычество приобретает классовый характер, служащий для еще большего угнетения народных масс. Феодалы прикрывали эксплуатацию крестьян разными пережитками родового быта, в том числе институтом аталычества.

Имущественные права отдельных членов семьи

Имущественно-правовые взаимоотношения членов балкарской семьи определялись главным образом их кровной связью, их фактической принадлежностью к семье и в некоторой степени участием их в трудовой жизни семьи. Кровная связь в определении наследственно-родового права играла решающую роль по сравнению с трудовым началом. В рассматриваемое время наследование шло по мужской линии, женщины, за редким исключением, не допускались к наследованию. «Именина, — сказано в адатах, — разделяются не по шариату, а по обрядам между братьями: сестры и вообще женский пол по наследству части не получают, а пользуются только подарками, состоящими из служанок, серебряных вещей, платья и скота, смотря по состоянию, от владения землею женский пол также устраняется»²⁴³.

Наследовать могли не все мужчины данной семьи, а отцы, т. е. действовало отцовское право — тереке. В семейную собственность входили отдельные доли братьев. Однако право на свою долю каждый из братьев осуществлял лишь при разделе семьи.)

В большой семье при жизни главы ее никто из сыновей не мог требовать раздела семейной общины, так же как и выдела из нее. В семейной общине никто не имел

²⁴² См.: И. О. Косвен. Указ. соч., стр. 123.

²⁴³ Ф. И. Леонтович. Указ., соч., стр. 280.

права уступить свою долю постороннему человеку. Алаты балкарцев совершенно не знали завещательного права. Впоследствии, когда власть главы большой семьи превратилась в деспотическую, стали возможны дарения и завещания, исключительное право дарения и завещания предоставлялось только главе семьи.

Наследственные права у балкарцев регулировались обычным правом. Шарият и русское законодательство тоже оказали некоторое влияние на регулирование наследственного права, но они не вытеснили обычное право даже во II половине XIX в. Вплоть до II половины XIX в. сохранялся принцип, по которому «дети при жизни отцов не делятся». [После смерти отца братья продолжали жить совместно] но это продолжалось недолго, в конце концов происходил раздел не только большой, но и малой семьи. [При разделе большой семейной общины братья получали равные доли, кроме старшего и младшего. Старший получал надбавку к своей доле «таматалык» (старшинство).] [В качестве «таматалыка» отдавали лучшего копя, участок земли, чаще всего поголовье крупного рогатого скота. Младшему брату также давали надбавку — «кичилик». Старший считался преимущественным продолжателем рода, он должен был заботиться о культе предков и делать им поминки²⁴⁴.] Кроме того, старшему брату передавались знаки коллективной собственности семьи. В связи с этими причинами старший получал надбавку. О существовании надбавки за старшинство свидетельствуют не только этнографические данные, но и документы. Так, при разделе имения Айдеболовых сыновья Долкирея получили на одно семейство холопов больше, чем сын Алиа, так как Долкирей был старше Алиа²⁴⁵. Чаще всего младший брат был не женат, поэтому ему давали надбавку для свадебных расходов. Нельзя упускать из виду и то, что при разделе семьи мать с дочерьми, как правило, оставалась жить с младшим сыном. Если раздел происходил при жизни отца, что возможно было в малой семье, то отец за свое старшинство получал не только надбавку, но имел право выбрать любую долю без жеребьевки.

²⁴⁴ См.: М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, т. 1, стр. 216.

²⁴⁵ Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959, стр. 29.

Обычное право балкарцев не знало представительства, т. е. при смерти бездетного мужчины наследниками являлись братья покойного, внуки же отстранялись от наследования.)

По адатам балкарцев при дележе имущества не делалось никакого различия между наследственным и благоприобретенным имуществом. При разделе имущества в первую очередь делили землю, затем остальное имущество. Разделу подлежали земля, крупный и мелкий рогатый скот, жилые постройки.) Следует отметить, что разделу подлежало не все имущество семьи. Нельзя было делить пастбищные участки земли, которые находились в коллективной собственности всего села.) Одежда членов семьи находилась в индивидуальном пользовании, несмотря на это члены семьи не распоряжались одеждой самостоятельно, так как она приобреталась на общие средства. Разделу не подлежали общие загоны для скота как вблизи дома, так и на пастбищах.) Разрушать дом или делить его обычное семейное право балкарцев не допускало. В старом доме оставался или старший брат, или же самый младший. Надочажная цепь также оставалась в старом доме и разделу не подлежала. Разделу не подлежали и каналы. Если имелась мельница, то она находилась в коллективной собственности разделившихся братьев. Доходы, получаемые в результате эксплуатации мельницы, распределялись между братьями поровну.

Все братья, кроме старшего и младшего, независимо от количества детей получали равные доли при дележе имущества. Несколько иначе происходил дележ урожая и продовольственных запасов. Урожай и продовольственные запасы делились по числу едоков, здесь не учитывалось ни участие отдельного члена в трудовой деятельности семьи, ни пол, ни возраст. По свидетельству Р. Харадзе, у тушин, пшавов и мохевцев зерновые и молочные запасы тоже делились подушно, как и у балкарцев²⁴⁶.

Уже отмечалось, что сохранение больших семей было выгодно феодалам, ибо большая семья по сравнению с малой была намного зажиточнее и более способна к вы-

²⁴⁶ См.: Р. Харадзе. Грузинская семейная община, т. II. Тбилиси, 1961, стр. 44.

полнению всевозможных повинностей. Поэтому феодалы всячески препятствовали разделу семьи. Если же раздел все-таки происходил, то таубии всегда извлекали из этого пользу.

В случае смерти одного из раздельно живущих братьев из сословия каракиши, имение умершего переходило к его брату, таубий же получал по своему выбору пахотный или покосный участок земли. При разделе семейного имущества каракиши, принадлежавшие таубиям Шакмановым, платили последним одного холопа или же 100 баранов²⁴⁷.

При дележе имущества женщина по адату не могла быть наследницей, так как имущество попадало в чужой род. Шарнат предписывал выдел ей наследства в $\frac{1}{2}$ доли мужчины. Так, в коране сказано: «Завещает вам аллах относительно ваших детей: сыну—долю, подобную доле двух дочерей»²⁴⁸.

К концу 50-х годов XIX в. при разделе имущества женщина иногда получала свою долю. Девушка при смерти отца получала $\frac{1}{2}$ доли брата. Бездетная вдова наследовала $\frac{1}{4}$ всего имущества, вдова с детьми — $\frac{1}{8}$ часть. Такое расхождение в разнице наследования объясняется тем, что дети в свою очередь также наследовали, поэтому вдова с детьми получала меньше, чем бездетная вдова. В целом вдова у балкарцев наследовала редко, так как она выходила замуж за своего деверя, т. е. существовал левират. В большинстве случаев женщина не пользовалась никакими имущественными правами ни в своем отцовском доме, ни в семье мужа. Несмотря на это, она имела свое обособленное имущество в виде приданого, которое не подлежало дележу.

Наиболее рельефно выявляются имущественные права женщин при разводе. У балкарцев разводы регулировались адатом, а не шарнатом. В большинстве случаев расторжение брака зависело от мужчин. Прелюбодеяние, неизлечимая болезнь, бездетность, нерадивость жены были достаточным поводом для расторжения брака. Для этого муж три раза произносил разводную формулу «талака». По адатам балкарцев муж произносил эту формулу в присутствии муллы и двух свидетелей. Пос-

²⁴⁷ ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 7, л. 1, л. 147.

²⁴⁸ Коран. М., 1963, стр. 70.

ле объявления «талака» кто-нибудь из родственников женщины приходил и уводил ее домой. Они всегда требовали доказательства виновности женщины. При невозможности разрешения спора в своих семьях стороны обращались к медиаторам, которые и разрешали спор. В случае доказанности виновности жены ее родственники возвращали мужу двойной калым, уплаченный им при женитьбе. Женщина же забирала с собой только приданое. По расторжении брака дети оставались у отца. Мать забирала с собой только малолетних детей. Как только они достигали трехлетнего возраста, она обязана была отправить детей отцу. Если виновность женщины не была доказана, то муж не только не получал назад уплаченный калым, но и обязан был выплатить вознаграждение жене. Естественно, что приданое женщина не оставляла мужу. Кроме всего прочего, женщина получала имущество, обусловленное при заключении накаях, в виде обеспечения жены после развода.

Русское законодательство оказало некоторое влияние на институт наследования в Балкарии. Русские власти стремились распространить российские законы на право наследования, учитывая предписание шариата. Но разработанные в 50-х годах XIX в. новые правила наследования не были введены в судах ²⁴⁹, поэтому все тяжёбые наследственные дела решались по адату. Все же русские власти старались ограничить действие адата на институт наследства. По адатам балкарцев отец мог распоряжаться имуществом семьи по своему усмотрению, но уже в XIX в. в случае растратывания имущества отцом наследники обращались с жалобой к русским властям, которые назначали опекуна, ограничивавшего права отца на имение ²⁵⁰.

В связи с влиянием русского законодательства женщины из привилегированного сословия стали обращаться с жалобой в участковый и окружной суд, требуя долю наследства наравне с мужчинами. Обычно от имени жены ходатайство на получение наследства брал на себя ее муж. Судя по архивным данным, в первой половине XIX в. почти ни одна женщина не выиграла процесс по делу получения наследства. Суд неизменно решал дела

²⁴⁹ ЦГА КБАССР, ф. 24, оп. 1, д. 220, л. 2—3.

²⁵⁰ ЦГА КБАССР, ф. 24, АССР, оп. 1, д. 281, л. 2.

по адату, реже — по шариаду. Стараясь добиться хотя бы $\frac{1}{2}$ доли наследства мужчины, женщины требовали шариятского разбирательства или же разбора по русским законам, а мужчины старались добиться решения по адату, так как в этом вопросе он ограждал их интересы ²⁵¹.

Дела по наследству решались выбранными медиаторами, куда входили и родственники наследников. При сильной запутанности вопроса дело передавали в участковый суд, куда вызывали спорящих и их доверенных лиц. На суде обязательно присутствовал эфендий, который вел делопроизводство на арабском языке. Наиболее спорные вопросы решались в окружном народном суде, решения которого утверждались начальником Кабардинского округа. В некоторых заключениях суда указывается, что дело о наследовании решено по шариаду, фактически же все дела в судах — как участковом, так и в окружном — решались по обычному праву. Нормы адата не были вытеснены шариадом даже во второй половине XIX в., не говоря уже о I половине XIX в.

Рассматривая имущественные права отдельных членов семьи, можно сделать следующие выводы. Глава семьи мог воспрепятствовать разделу семьи. При разделе он выбирал любую долю, т. е. глава имел право на первый выбор. Все имущество делилось по отцам, женщины по обычному семейному праву исключались от права наследования.

Братья получали равную долю, кроме самого старшего и самого младшего, которым давали еще специальную надбавку. Женщины не имели никаких имущественных прав, кроме права на свое приданое. Имущественные права членов семьи определялись силой кровного родства, которая признавала только права мужчин, переходящие по наследству от отца к сыну. Трудовое начало в определении имущественных прав членов семьи не играло почти никакой роли. Феодалы всячески использовали разделы семьи, присваивая себе часть разделенного имущества.

Русское законодательство и шарият не оказали существенного влияния на институт наследства балкарцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Балкарцы издавна поддерживали политические связи с Россией. Эти связи еще более укрепились после присоединения Кабарды к России. Первоначально сношения Балкарии с Россией поддерживались через кабардинских владельцев ввиду того, что некоторые балкарские таубии находились в родственных и вассально-феодальных отношениях с князьями Кабарды. В 80—90-х годах XVIII в. русско-балкарские связи становятся наиболее систематическими, в этот период таубии Балкарии настойчиво добиваются принятия их в русское подданство, что и совершилось в 1827 году. Хотя царизм и проводил великодержавно-колонизаторскую политику, все же включение Балкарии в состав России было объективно исторически прогрессивным явлением. В результате присоединения Балкарии к России наметились сдвиги в развитии производительных сил. Культурно-политическое, экономическое развитие балкарского общества пошло быстрее. Основной отраслью экономики в Балкарии было сельское хозяйство. В первой половине XIX в. балкарцы занимались земледелием, скотоводством, домашними промыслами и торговлей.

Земледелие в Балкарии не стало ведущей отраслью хозяйства, ввиду неблагоприятных климатических условий. Несмотря на гигантский труд, затрачиваемый на земледелие, собранного хлеба едва хватало на 2—3 месяца, поэтому балкарцы большое внимание уделяли развитию скотоводства, своему главному занятию. Скотоводство составляло хозяйственную основу балкарцев. Скот одевал, кормил и служил средством передвижения. Скотоводство носило отгонно-пастбищный и экстенсивный характер. Ввиду неприхотливости овец, которые могли добывать себе корм даже из-под снега, овцеводство занимало ведущее место в скотоводстве.

Продукты животноводства шли не только в пищу, но и служили основным источником для развития домашних промыслов и торговли балкарцев. Среди промыслов наибольшее распространение получило шерстяное, скорняжное производство, обработка дерева и металла, приготовление пороха, строительное дело и изготовление земледельческих орудий. В Балкарии промыслы в основном носили потребительско-натуральный характер.

Кроме кузнечного дела, ни один из видов ремесла не выделился в самостоятельную отрасль производства, которая могла бы обеспечивать жизненные потребности человека. Почти каждая балкарская семья занималась ремеслами.

Несмотря на преобладание натурального производства, известную роль в хозяйственной жизни балкарцев играла торговля. Балкарцы поддерживали торговые отношения с кабардинцами, осетинами, карачаевцами, народами Грузии и России. Торговля носила в основном меновой характер. Внутренняя торговля балкарцев в первой половине XIX в. была развита слабо, о чем свидетельствует отсутствие своей собственной денежной системы. На внешний рынок балкарцы вывозили продукты животноводства и изделия из них, порох. Взамен этого они получали соль, хлопчатобумажные ткани, необходимые железные и медные изделия. Ввиду феодальной раздробленности, натурального характера экономики и географического положения Балкарии, торговля в ней не получила широкого развития. Торговля балкарцев с другими народами более или менее усилилась после присоединения Балкарии к России.

При исследовании землевладения балкарцев выясняется, что в первой половине XIX в. в Балкарии существовали феодальная, подворно-индивидуальная и общественная формы собственности на землю. В общественной собственности находились участки пастбищной и покосной земли. В период феодализма общественная собственность становится фикцией, ибо, как справедливо заметил К. Маркс, «собственность на естественные продукты земли, на овец — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются», а в Балкарии в рассматриваемый период большинство скота принадлежало таубиям. Поэтому и общественная земля фактически находилась в их руках.

Существование общинной собственности указывает, что феодальные отношения в Балкарии не завершились даже в XIX в., хотя в землевладении Балкарии господствовала феодальная собственность. Земля принадлежала не одному лицу, а всей фамилии, т. е. была семейной собственностью. В частную собственность земля переходила по обычаю трудовой заимки, в качестве бенефиции («ёзденлик»), при аталычестве и других способах.

Появление феодальной собственности на землю привело к существенным изменениям общественных отношений. Выделившаяся балкарская знать, располагая плодородными землями, стала эксплуатировать некогда свободных общинников, которые превращались уже в феодально зависимых крестьян. В результате этого на смену родоплеменным отношениям пришли классовые: балкарское общество распалось на два антагонистических класса — феодальных владельцев и подвластного им сельского населения. Все же, в отличие от развитого кабардинского общества, в Балкарии не сложилась четкая феодальная лестница. Феодальные отношения переплетались с патриархально-родовыми, что наложило свой отпечаток на сословную структуру балкарского общества.

К привилегированным сословиям относились таубии. Они обладали как экономическим могуществом, так и политической и административной властью. Таубии были верховными собственниками земли, что являлось основой их экономического могущества. Имея в своих руках основные средства производства, административную и судебную власть, таубии беспощадно эксплуатировали зависимое население. Царские власти вместе с местным духовенством активно помогали им в этом.

Зависимое население Балкарии делилось на несколько категорий: каракиши, ясакчи, чагары и патриархальные рабы (казаки, карауаши). Анализ всех повинностей зависимых сословий показывает, что таубии как верховные собственники земель эксплуатировали непосредственных производителей при помощи отработочной и продуктовой ренты. Продуктовая и денежная рента занимала незначительное место. Господство отработочной ренты в балкарских обществах говорит о том, что феодализм в Балкарии был развит слабо. Об этом свидетельствует и то, что существовали различные зависимые сословия, которые не слились еще в единый класс — крепостных крестьян.

Успешному развитию феодальных отношений мешали патриархально-родовые пережитки: семейная и сельская община, патронимия и др.

Таубии Балкарии всячески прикрывали эксплуатацию зависимых крестьян всевозможными институтами родового строя: гостеприимство, взаимопомощь, почи-

тание старших, аталычество и т. д. В том и заключалось своеобразие балкарского феодализма, что феодальные отношения тесно переплетались с родовыми связями. Для эксплуататорского класса пережитки патриархально-родового строя служили ширмой для укрепления своего господства над зависимыми крестьянами.

Классовая борьба, характерная для феодального строя, происходила и в Балкарии. Борьба крестьян против своих эксплуататоров выражалась в разных формах: побег, отказ от выполнения феодальных повинностей, убийства таубиев, открытое вооруженное выступление. Все эти разрозненные выступления трудящихся Балкарии не могли привести к серьезной победе, многочисленные пережитки патриархально-родового строя не давали объединяться крестьянам и мешали сознательной и активной форме классовой борьбы. Но тем не менее борьба трудящихся масс Балкарии в какой-то мере способствовала отмене крепостного права в балкарских обществах. Кроме того, в ходе классовой борьбы укреплялась дружба между соседними народами. Трудящиеся массы Северного Кавказа всегда проявляли классовую солидарность в борьбе со своими угнетателями и колонизаторской политикой русского царизма.

Для полного уяснения многих вопросов истории Балкарии большое значение имеет изучение системы композиций в обычном праве балкарцев. В I половине XIX в. многие институты обычного права балкарцев стали юридическими нормами существовавшего у них феодального общества. Возникнув еще при первобытнообщинном строе, система композиций в рассматриваемый период коренным образом изменила свое социальное содержание. Был нарушен принцип равного возмещения за равное преступление. Институты обычного права почти целиком защищали интересы господствующего класса.

Сословный характер системы композиций выражался не только в значительной разнице «цены крови» феодалов и зависимых сословий, но и в том, что последние по обычному праву не могли прибегнуть к кровной мести по отношению к таубиям, хотя она и действовала (при сословном равенстве сторон) в виде пережитка родового строя. Кровная месть в Балкарии не получила широкого распространения, она заменялась имущественными платежами, как и за другие преступления.

Размер имущественной компенсации у балкарцев в первую очередь зависел от сословной принадлежности потерпевшего и виновного, затем от состава и характера преступления. Система композиций приобрела ярко выраженный классовый характер. По адатам балкарцев, за причинение имущественного ущерба феодалам зависмые сословия платили не только стоимость убытка, но и штраф, намного превышавший цену материального урона.

Представители же таубиев за такое же правонарушение выплачивали зависимым сословиям всего лишь стоимость нанесенного ущерба. Система композиций у балкарцев во всех отношениях защищала и укрепляла господствующее положение феодальных владельцев.

Как было отмечено, в I половине XIX в. в балкарском обществе господствующее положение заняла территориальная община. Внутри этой общины сохранялась большая семья — как пережиток патриархально-родовых отношений. Причинами сохранения семейной общины были господство натурального хозяйства и специфическая форма ведения скотоводства. Кроме того, таубии стремились законсервировать существование большой семьи у крестьян, так как она являлась податной и тягловой силой.

В рассматриваемое время патриархальная семья уже изживала себя. Основные черты ее: коллективное производство и коллективное потребление, общественно-семейная собственность и демократическое управление в данный период видоизменяются. В большую семью проникает частная собственность, власть главы семьи превращается в деспотическую. Все это привело к распаду большой семьи. Ведущее положение заняла малая семья.

Брак у балкарцев в XIX в. был экзогамным и моногамным. В брачно-семейных отношениях наблюдаются многочисленные пережитки родового строя: оставление невесты дома после обручения, помещение ее и жениха в чужом доме, «возвращение» молодой женщины домой и др.

Говоря об имущественных отношениях отдельных членов семьи, следует заметить, что существовало отцовское право — тереке. По обычному семейному праву женщины исключались из права наследования. Имущест-

венные права членов семьи определялись степенью кровного родства, трудовое начало не играло почти никакой роли.

Русское законодательство и шариат всячески старались оказать влияние на наследственное право балкарцев, но в первой половине XIX в. эта попытка не имела успеха, хотя в других областях обычного права русское законодательство нередко оказывало благотворное влияние.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Основные черты хозяйственного и общественного строя балкарцев в I половине XIX в.	15
Присоединение Балкарии к России. Управление Балкарней	—
Хозяйственная жизнь	21
Особенности развития феодализма в Балкарии	33
Некоторые вопросы землевладения и землепользования балкарцев	37
✓ <u>Сословная структура балкарского общества</u>	45
Классовая борьба в балкарских обществах	57
Глава II. Система композиций в обычном праве балкарцев в I половине XIX в.	61
1. Система композиций за убийство, ранение и увечье	—
2. Компенсация за воровство	75
Глава III. Семейное право балкарцев	80
Краткая характеристика большой и малой семьи	—
Условия и формы заключения брака у балкарцев	85
Воспитание детей	91
Имущественные права отдельных членов семьи	96
Заключение	102

Камилъ Гитчеевич Азаматов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОБЫЧНОЕ ПРАВО БАЛКАРЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Редактор *С. Б. Теплеев*. Обложка художника *В. И. Бекетова*
Художеств. редактор *И. Г. Абрамов*. Техн. редактор *Б. Ж. Тхакахов*
Корректор *М. В. Василенко*

Сдано в набор 21/XII 1967 г. Подписано к печати 17/I 1968 г.
Бумага типографская № 3 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 3,375.
Усл. печ. л. 5,67. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 800 экз. 40805.

Кабардино-Балкарское книжное издательство
Нальчик, ул. адмирала Головки, 6

Заказ № 11485. Типография им. Революции 1905 года
Управления по печати при Совете Министров КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33

Цена 35 коп.